
Олеся Руданская
Измена генерала.
Ненужная жена
больше не плачет

Олеся Руданская

Измена генерала. Ненужная жена больше не плачет

«Автор»
2026

Руданская О.

Измена генерала. Ненужная жена больше не плачет /
О. Руданская — «Автор», 2026

— Мира останется со мной. Ты ведь понимаешь, Элина, что по документам ты ей никто?Десять лет я была женой генерала Виктора Воронова. Десять лет растила его дочь, которая называла меня мамой.А потом застала мужа с молодой любовницей.Он предложил мне деньги, отдельный дом и «достойный развод». Взамен я должна исчезнуть из их жизни, чтобы новая женщина заняла мое место. Даже рядом с дочерью.Но я не собираюсь отдавать ребенка, которого люблю больше жизни.Я начинаю все с нуля. Снимаю квартиру, ищу работу и неожиданно сближаюсь с Андреем — властным, привлекательным мужчиной, который оказывается братом покойной матери моей девочки.Впервые за долгие годы я чувствую себя желанной.Но когда бывший муж узнает о наших отношениях, он решает отомстить. И ударить по самому больному — разлучить меня с дочерью.Только на этот раз я не стану молча собирать чемоданы.

© Руданская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На свадьбу я приду с ней 5
Глава 2. Адрес, который я выбрала 23
Глава 3. Платье должно нравиться ей 52
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Олеся Руданская
Измена генерала. Ненужная жена больше не плачет

Глава 1. На свадьбу я приду с ней

В то утро я еще выбирала кружево для свадебного платья дочери.

Полина приехала около десяти, привезла два стаканчика кофе и пакет с теплыми круассанами. Своими ключами она давно не пользовалась, хотя мы с Виктором никогда не просили их вернуть. Просто звонила в дверь, как гостья.

— Мам, я на полчасика. У нас с Ильей потом встреча в ресторане.

— С каким рестораном? Вы же уже все выбрали.

— С нашим. Нужно меню уточнить.

Она поставила кофе на край раскройного стола и тут же получила от меня замечание.

— Полина, там ткань.

— Мам, у стаканчика крышка.

— Которая может открыться.

Дочь вздохнула, переставила кофе на подоконник и поцеловала меня в щеку.

— Все, порядок. Можно посмотреть платье?

Я достала из шкафа чехол.

До свадьбы оставалось чуть меньше восьми недель. Пятьдесят пять дней, если считать так, как считала я, отмечая выполненные дела в ежедневнике. Для кого-то это огромный срок, но не для женщины, которая взялась самостоятельно сшить дочери свадебное платье, одновременно выполняя заказы других невест.

Полина была у меня единственным ребенком. Ей исполнилось двадцать два, она полтора года работала в архитектурном бюро, снимала квартиру вместе с Ильей и уже давно самостоятельно распоряжалась деньгами.

Мне все равно иногда хотелось проверить, взяла ли она зонт.

— Смотри, — сказала я, раскладывая детали пробного лифа. — Здесь мы немного поднимем линию талии. И вот эту часть я хочу сделать из кружева.

Полина наклонилась над столом.

— Красиво.

Я знала ее достаточно хорошо, чтобы услышать недосказанное.

— Но?

— Мам, только не обижайся. Мне кажется, с кружевными рукавами будет слишком торжественно.

— Это же свадьба.

— Я понимаю. Просто я хотела платье полегче. Без рукавов, может быть. И чтобы можно было нормально танцевать.

— Рукава будут съемными. А танцевать тебе никто не помешает.

Я приложила кружево к ткани, показывая, как оно будет выглядеть на готовом платье.

Кружево сохранилось с моей собственной свадьбы. Двадцать три года я держала его в коробке вместе с фатой, несколькими фотографиями и пожелтевшим приглашением, которое когда-то печатали на плотной бумаге с золотыми буквами.

Платье я тогда шила не сама. Денег хватило только на недорогой салон, и моя мама долго уговаривала продавщицу уступить нам хотя бы немного.

Помню, как Виктор увидел меня перед регистрацией и совершенно неожиданно растерялся. Он тогда был молодым офицером, всегда уверенным в себе, а тут стоял с букетом и никак не мог произнести приготовленную фразу.

Потом признался, что хотел сказать мне, какая я красивая, но почему-то спросил, не холодно ли мне.

Мы смеялись над этим много лет.

— Мам?

Я подняла глаза.

— Что?

— Я спрашиваю, а можно сначала примерить без кружева? Просто посмотреть, как будет.

— Конечно. Для этого мы и делаем пробный вариант.

Я убрала кружево в сторону, но уже прикидывала, как убедить дочь оставить хотя бы часть отделки.

Полина провела пальцами по ткани.

— Ты только не работай с ним ночами, ладно? Я же говорила, можно было купить готовое.

— Купить готовое? При живой матери, которая шьет свадебные платья?

— Вот именно поэтому я и боялась тебе предлагать.

Она улыбнулась.

Я тоже улыбнулась, хотя немного обиделась: дочь не представляла, сколько удовольствия доставляла мне эта работа.

Я хотела сделать для нее что-то особенное.

Всю жизнь я шила другим женщинам платья, в которых они выходили замуж. Подгоняла корсеты, переделывала юбки, терпеливо объясняла, почему платье с фотографии на каждой фигуре будет сидеть по-разному.

И вот наконец могла сшить платье собственной дочери.

В дверях появился Виктор.

Он уже переоделся в светлую рубашку и темные брюки. После выхода в отставку муж почти перестал носить форму, но некоторые привычки оставались неизменными. Даже в субботу он просыпался около шести, брился, завтракал и составлял планы на день.

— О, невеста приехала.

Полина обернулась.

— Привет, пап.

Он подошел, поцеловал ее в макушку и посмотрел на разложенные детали.

— Скоро закончите?

— Пап, это только начало.

— А по мне, так уже платье.

— Вот поэтому тебе никогда не доверят выбирать мне одежду.

Виктор усмехнулся.

— Правильно. У меня и так дел хватает.

Он повернулся ко мне.

— Наташ, ты сегодня в город поедешь?

— У меня две примерки. Обе здесь, дома.

— Тогда съезди, пожалуйста, за моим костюмом в химчистку. Там сегодня до шести. Во вторник понадобится.

— Витя, а ты сам не можешь?

— Я после обеда с Леонидом встречаюсь. Мы давно договаривались.

— У меня клиентка в три. Не знаю, когда закончим.

— Ну, успеешь как-нибудь. Тебе же по дороге, если в магазин поедешь.

Полина посмотрела на меня.

Я уже хотела объяснить, что ни в какой магазин сегодня не собиралась, но вместо этого спросила:

— Квитанция где?

— В машине. Я тебе потом пришлю фотографию.

— Хорошо.

Он кивнул, словно вопрос был решен, и вышел.

Я вернулась к платью.

— Мам, — тихо сказала Полина, — а почему папа сам не заедет?

— У него встреча.

— И что?

— Полин, ну чего ты начинаешь? Мне несложно.

Она пожала плечами.

— Я просто спросила.

Потом мы еще минут двадцать обсуждали платье, обувь, прическу и то, нужно ли пришивать к юбке маленькую петельку, чтобы поднимать шлейф во время танцев.

В половине одиннадцатого дочь уехала.

Я проводила ее до калитки, помахала вслед машине и вернулась в дом.

У нас с Виктором был хороший дом.

Не огромный, не роскошный, но крепкий, с просторной кухней, гостиной и тремя спальнями на втором этаже. На участке росли две старые яблони, которые каждую весну я собиралась обрезать правильно, а в результате подрезала только те ветки, до которых могла дотянуться.

Дом мы покупали уже после того, как Виктора перевели в Реченск. Тогда Полине было десять. До этого мы успели пожить в четырех городах, дважды сменить школу и однажды переехать за три дня, потому что мужа срочно назначили на новую должность.

Я помнила каждую квартиру, где мы жили.

Первую — с желтыми обоями и маленькой кухней, на которой едва помещался детский стульчик.

Вторую — с протекающей ванной и соседкой, которая приносила Полине домашние пирожки.

Третью — на пятом этаже без лифта. Там я однажды несла наверх швейную машинку, а Виктор встретил меня на лестнице, забрал ее и потом неделю шутил, что его жена способна перетащить целую фабрику.

Тогда он многое замечал.

И я замечала.

Возможно, я так привыкла к его вниманию, что не сразу заметила перемены последних лет.

Не было одного дня, когда муж вдруг перестал спрашивать, как у меня дела. Просто вопросы становились короче, ответы все чаще прерывались телефонными звонками, а какие-то мои рассказы я сама откладывала на потом.

Потом обычно не наступало.

В тот день я не думала об этом. Нужно было закончить работу.

Первая клиентка приехала к полудню.

Ирине исполнился тридцать один год. Она выходила замуж впервые и с самого начала боялась, что платье сделает ее старше. Поэтому принесла фотографии сразу нескольких совершенно разных моделей и долго не могла решить, чего хочет.

Мы наконец выбрали простой силуэт с мягкой юбкой и открытыми плечами.

На примерку Ирина приехала с матерью.

— Наталья Викторовна, а здесь нельзя сделать повыше? — спросила женщина, показывая на вырез.

— Можно, но тогда придется менять верхнюю часть лифа. И посадка будет другой.

— Мне кажется, невесте не положено настолько открытое платье.

Ирина закрыла глаза.

Я видела эту сцену уже третий раз.

— Мама, мы обсуждали.

— Я только советую.

— Вы советуете с февраля.

Я присела рядом с Ириной, проверяя длину юбки.

— Встаньте, пожалуйста, прямо. И попробуйте поднять руки.

Она послушалась.

— Удобно?

— Да.

— Теперь сядьте.

Ирина осторожно опустилась на стул.

— Нигде не давит?

— Нет.

— Отлично. Верх держится правильно. Если хотите изменить вырез, мы можем обсудить. Но решать нужно вам.

Мать Ирины поджала губы.

— Просто я считаю, что на свадьбе...

— Мам, — перебила ее дочь. — Я хочу именно так.

Я сняла пару булавок.

— Тогда так и оставим.

Ирина облегченно выдохнула.

Мне нравилось работать с невестами. Нравился момент, когда женщина переставала сравнивать себя с фотографиями и вдруг видела, что платье действительно подходит ей.

Иногда труднее всего было объяснить самой невесте, что выбирать нужно ей, даже если мать, подруги или жених считают иначе.

Когда Ирина ушла, я поймала себя на неприятной мысли.

Полина утром тоже просила изменить платье.

А я так старательно объясняла ей, почему придуманный мной вариант лучше.

Я достала телефон и открыла нашу переписку.

Хотела написать, что мы обязательно посмотрим вариант без рукавов, но отвлеклась на сообщение от Виктора.

Он прислал фотографию квитанции из химчистки.

Следом пришло:

«Не забудь. Мне костюм нужен во вторник».

Я посмотрела на время.

До закрытия оставалось несколько часов.

Вторую клиентку я ждала в три. По предварительной договоренности примерка могла занять час или полтора, а дорога до химчистки — еще двадцать минут.

Успеть было возможно, если нигде не задерживаться.

Я убрала телефон, поставила чайник и пошла разогревать обед.

В холодильнике стоял суп, приготовленный вчера. Виктор любил домашнюю еду, особенно когда возвращался после долгого дня и не хотел никуда ехать.

Я наливала суп в тарелку и почему-то вспомнила, как он однажды привез мне из командировки маленькую серебряную подвеску.

Никакого праздника не было.

Просто увидел в магазине и решил, что мне понравится.

Я носила ее до сих пор.

После обеда пришла вторая клиентка. Девушка торопилась, потому что вечером у нее было семейное мероприятие, и мы довольно быстро разобрались с посадкой корсета.

В половине пятого я закончила работу.

Переоделась, взяла сумку и поехала в химчистку.

На обратной дороге купила хлеб, помидоры и упаковку любимого Виктором сыра.

Я сделала это совершенно автоматически.

Уже возле дома вспомнила, что муж не просил покупать продукты.

Просто я знала, что сыр заканчивается.

* * *

Виктор вернулся около семи.

Я услышала, как хлопнула входная дверь, потом звук ключей, положенных на полку в прихожей.

— Наташ!

— Я на кухне.

Он вошел, поставил на стол телефон и налил себе воды.

— Костюм забрала?

— Да. В гардеробной повесила.

— Спасибо.

Я резала помидоры для салата.

— Как Леонид?

— Нормально. Сын у него поступил. Теперь все разговоры только об этом.

— В медицинский?

— Нет, в строительный. Он передумал.

— А, понятно.

Виктор выпил воду и остался стоять у стола.

— Ты сегодня очень занята была?

— Как обычно. Две примерки. Еще с Полиной платье смотрели.

— Довольна она?

— Вроде да. Только хочет немного изменить верх. Я думаю, сделаем.

— Сделайте. Это же ее свадьба.

Я обернулась.

Он сказал это настолько просто, что мне захотелось ответить что-то о наших утренних спорах.

Но Виктор уже открыл телефон.

— Кстати, о свадьбе. Нам надо кое-что обсудить.

— Что именно?

— По гостям.

Я закрыла контейнер с нарезанными овощами.

— Полина с Ильей сегодня в ресторан ездили. Вроде еще не все подтвердили.

— Знаю. Она мне звонила.

— Тогда что?

Виктор убрал телефон в карман.

— Давай после ужина поговорим. Спокойно.

Я посмотрела на него внимательнее.

Он не выглядел встревоженным. Скорее, немного раздраженным предстоящим разговором, как человек, которому придется разбираться с очередной организационной задачей.

— Что-то случилось?

— Ничего страшного. Просто надо решить один вопрос.

Я не стала настаивать.

Мы поужинали вдвоем.

Виктор рассказал про Леонида, пожаловался на пробки и спросил, когда наконец починят ворота у соседей. Я сказала, что мастер обещал приехать на следующей неделе, если позволит погода.

Потом убрала со стола.

Муж помог перенести тарелки к раковине, вытер руки и отправился в гостиную.

— Наташ, иди сюда, пожалуйста.

Я поставила посуду в машину и пошла за ним.

В гостиной было светло. Летний вечер еще не наступил по-настоящему, солнце падало на подоконник, и мне пришлось немного прикрыть штору, чтобы не било в глаза.

Виктор сидел в кресле возле окна.

На журнальном столике лежал распечатанный список свадебных гостей. Полина прислала его нам несколько дней назад, когда мы проверяли фамилии дальних родственников.

Я села на диван.

— Что там не так?

— Наташа, я хочу, чтобы ты сначала меня выслушала.

У меня неприятно сжалось под ложечкой.

Так он обычно начинал разговоры, когда знал, что мне что-то не понравится.

— Хорошо. Слушаю.

Он помолчал, потом сказал:

— На свадьбу я приду с Ларисой.

Я не сразу поняла.

В списке гостей действительно была Лариса Соколова. Мы знали ее несколько лет. Она бывала у нас дома, несколько раз встречалась с нами на общих мероприятиях, поздравляла Полину с окончанием университета.

Но почему муж говорил о ней отдельно?

— С Ларисой? — переспросила я.

— Да.

— А почему вы вместе собираетесь идти?

Виктор посмотрел мне прямо в глаза.

— Потому что мы с ней вместе.

Я ждала продолжения.

Наверное, мне показалось, что он неудачно выразился. Что сейчас объяснит про компанию знакомых, про какую-то договоренность, про автомобиль.

Но он молчал.

— В каком смысле вместе?

— В том, который ты подумала.

Я почувствовала, как потеплели щеки.

— Ты сейчас говоришь, что встречаешься с Ларисой?

— Да.

За окном проехала машина.

Я почему-то повернула голову на звук, потом снова посмотрела на мужа.

— Сколько?

— Что?

— Сколько времени вы встречаетесь?

Виктор отвел взгляд.

— Наташа, имеет ли это сейчас значение?

— Я спросила, сколько.

— Почти год.

У меня похолодели руки.

Почти год.

Я попыталась вспомнить, что происходило год назад.

Прошлым летом мы с Виктором ездили на несколько дней в санаторий. Он еще служил, постоянно отвечал на звонки, а я сердилась, что он даже на отдыхе не мог оставить работу.

Осенью отмечали день рождения Полины.

Зимой он заболел, и я несколько дней приносила ему чай в спальню. Потом заболела сама, и Виктор съездил за лекарствами, хотя на улице была метель.

Весной мы вместе выбирали новую кухонную вытяжку.

Все это время у него была Лариса.

— Почти год, — повторила я.

— Да.

— И ты решил сказать мне сейчас? Потому что хочешь привести ее на свадьбу нашей дочери?

— Я собирался поговорить раньше.

— Когда?

— Наташ, не надо превращать разговор в допрос.

— А во что его превратить?

Он потер переносицу.

— Я понимаю, что тебе неприятно.

Слово показалось мне настолько неподходящим, что я даже переспросила:

— Неприятно?

— Больно. Я понимаю, что больно. Но давай хотя бы попробуем обсудить все спокойно.

Я посмотрела на его лицо.

Мы были женаты двадцать три года.

Я знала, что у Виктора появляется маленькая складка между бровями, когда он злится. Знала, как он морщится от слишком горячего чая, хотя никогда не ждет, пока тот остынет. Знала, что, если он расстроен, лучше не спрашивать сразу, а дать ему немного времени.

Сейчас я не понимала человека, сидевшего напротив.

— Ты хочешь развестись? — спросила я.

Он выдохнул.

— Думаю, да. Так будет честнее.

— Думаешь?

— Я уже принял решение. Просто хотел подобрать подходящий момент.

Я не выдержала и коротко рассмеялась.

Смех прозвучал резко и безрадостно.

— Подходящий момент. Восемь недель до свадьбы Полины?

— Я не хотел портить ей праздник.

— Поэтому решил привести туда любовницу?

— Наташа, не нужно так говорить.

— Как?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет, Витя. Я сейчас очень многого не понимаю. Например, почему ты считаешь, что можешь просто сообщить мне, с кем придешь на свадьбу нашей дочери.

Он поднялся, прошел к окну, потом вернулся.

— Я устал скрываться. Лариса тоже устала. Мы взрослые люди, и пора определяться.

Я смотрела на него.

— А мне ты когда собирался дать возможность определиться?

— Я именно поэтому сейчас с тобой и разговариваю.

— Нет. Ты уже все решил.

Он ничего не ответил.

Я опустила взгляд на свои руки.

На среднем пальце белела тонкая полоска от наперстка, который я носила почти весь день. Ноготь на большом пальце был коротко подстрижен, чтобы не цеплять ткань.

Я вдруг вспомнила, что утром Полина попросила убрать кружевные рукава, а я почти не услышала ее.

Совершенно неуместное воспоминание.

— Она знает, что ты женат? — спросила я.

Виктор помедлил.

— Конечно.

— И знает, что я ничего не подозревала?

Он сел обратно.

— Наташа, понимаешь, у нас давно все было непросто.

— У кого? У нас с тобой?

— Да.

— А Лариса какое отношение имеет к тому, как мы с тобой жили?

— Я не хочу сейчас обсуждать ее.

— Очень удобно.

— Мы обсуждаем наш брак.

— Тогда скажи, почему я узнаю о его конце только сегодня.

Виктор вздохнул.

— Я сказал Ларисе, что мы с тобой давно договорились расстаться.

Я ждала, что он добавит что-нибудь еще, но Виктор молчал.

— Что ты сказал?

— Что между нами давно все закончилось. Что мы живем вместе по привычке и спокойно решим вопрос с разводом.

— Ты сказал ей, что мы договорились?

— Да.

— Когда?

— Наташ...

— Когда ты ей это сказал?

— Несколько месяцев назад.

Я медленно откинулась на спинку дивана.

Несколько месяцев назад.

А я в это время стирала его рубашки, покупала продукты, готовила ужины, выбирала с ним подарки родственникам.

И, что было страшнее всего, считала себя замужней женщиной.

Я знала, что у нас не все идеально. Последний год Виктор часто задерживался, стал меньше разговаривать, перестал предлагать куда-нибудь поехать вдвоем.

Я объясняла это службой, усталостью, переходом к жизни после отставки.

Иногда пыталась поговорить.

Он отвечал, что все нормально, просто ему нужно немного времени.

Я верила.

— Но мы не договаривались, — сказала я.

— Формально нет.

— Что значит формально?

— Наташа, ты же сама видела, что между нами давно нет прежних отношений.

Я вспомнила, как две недели назад спросила, не хочет ли он поехать на выходные к озеру. Виктор сказал, что у него дела.

Вспомнила, как месяц назад он принес мне из магазина маленькую коробку конфет. Моих любимых. Сказал, что увидел и решил взять.

Я тогда была рада.

Глупо, наверное, радоваться конфетам после стольких лет брака.

Но я радовалась.

— Я видела, что ты устаешь, — ответила я. — Видела, что мы редко проводим время вместе. Но я не знала, что у тебя другая женщина. Ты мне ни разу этого не сказал.

— Я не хотел тебя ранить.

— И поэтому почти год врал?

Он поморщился.

— Я не врал тебе каждый день.

Я не сразу поверила, что он это произнес.

— Ты серьезно?

— Я имею в виду, что специально ничего не выдумывал. У меня действительно было много работы, встреч. Я не сидел и не придумывал оправдания каждую минуту.

— Витя, я не спрашивала тебя, насколько старательно ты меня обманывал.

Он посмотрел на меня, потом опустил глаза.

— Хорошо. Я неправильно выразился.

Я встала.

Не потому, что хотела уйти. Просто сидеть больше не могла.

Прошла к окну, поправила уже ровную штору.

За стеклом соседская девочка каталась на велосипеде. Ее отец шел рядом, придерживая рукой сиденье.

Девочка смеялась.

Я почему-то вспомнила маленькую Полину, ее первый велосипед и Виктора, который однажды целый час бегал за ней по двору, пока она наконец не научилась держать равновесие.

Он тогда был страшно довольный.

Пришел домой вспотевший, с разбитым коленом, зато объявил, что у нас растет будущая чемпионка.

Я отвернулась от окна.

— А Полина?

— Что Полина?

— Она знает?

— Пока нет.

— Ты собирался сказать ей сам?

— Я думал, мы вместе объясним.

— Что объясним?

— Что решили разойтись. Что не надо делать из этого трагедию.

Я посмотрела на него.

— Мы ничего вместе не решили.

— Наташа, пожалуйста. Ты же всегда была разумной женщиной.

У меня задрожали пальцы.

— Не надо.

— Что?

— Не говори сейчас, какая я разумная.

Виктор замолчал.

Я села на край дивана.

— Ты хочешь, чтобы я сказала дочери, будто мы спокойно решили развестись?

— Я не прошу тебя лгать.

— Но именно это ты предлагаешь.

— Я предлагаю не рассказывать ей подробности.

— А когда она спросит, почему ты пришел на свадьбу с Ларисой?

— Можно объяснить, что у меня другие отношения.

— И она должна узнать об этом за праздничным столом?

— Конечно нет. Мы поговорим заранее.

Он произнес это так уверенно, словно речь шла о выборе меню.

Мне хотелось спросить, как именно он представлял такой разговор.

Мы собираем Полину, усаживаем на кухне, где она когда-то делала уроки, и объясняем, что папа почти год встречается с женщиной, которая приходила к нам в гости?

А потом просим не расстраиваться, потому что все взрослые люди?

— Лариса была у нас дома, — сказала я.

— Да.

— Она сидела за нашим столом.

— Наташа...

— Она поздравляла Полину. Ты помнишь?

— Помню.

— И ты в это время уже с ней встречался?

Он не ответил сразу.

Этого оказалось достаточно.

Я закрыла глаза.

Передо мной возникла Лариса в темно-зеленом платье. Она приходила на один из наших домашних праздников, принесла цветы и долго разговаривала с Виктором на террасе.

Я тогда еще подумала, что им есть о чем поговорить. Они оба знали многих людей из одного круга, оба легко заводили знакомства.

Через несколько недель Лариса попросила меня укоротить ей платье.

Я согласилась.

Она приехала в субботу, долго крутилась перед зеркалом, хвалила мою работу и спрашивала, где я покупаю хорошие молнии.

Я взяла с нее обычную цену, но еще исправила перекос на боковом шве, хотя мы об этом не договаривались.

Просто мне хотелось сделать хорошо.

— Я ей платье переделывала, — сказала я.

Виктор нахмурился.

— Какое платье?

— Ты даже не помнишь.

— Наташа, у нее много платьев. Откуда мне знать?

Я не стала объяснять.

Не хотела рассказывать мужу, чем занималась его любовница в моей рабочей комнате.

— Ты уже сказал ей, что придешь с ней на свадьбу?

— Я пообещал, что больше не буду делать вид, будто между нами ничего нет.

— Значит, пообещал.

— Да.

— А Полину спросил?

— Пока нет.

— То есть ты дал Ларисе обещание, а теперь хочешь, чтобы мы с дочерью его выполнили?

Виктор недовольно выдохнул.

— Я не хочу, чтобы мой приход с ней превращался в скандал. Поэтому и говорю заранее.

— На свадьбу ее пригласили не потому, что она твоя женщина. Мы приглашали ее как знакомую семьи.

— Теперь ситуация изменилась.

— Для меня она изменилась полчаса назад.

Муж потер лицо ладонями.

Впервые за весь разговор он выглядел растерянным.

— Послушай, Наташ. Я понимаю, что поступил некрасиво. Можешь злиться, можешь не разговаривать со мной какое-то время. Я не собираюсь делать вид, что все правильно. Но ведь и дальше так жить нельзя.

— Как так?

— Когда мы друг другу уже почти чужие.

Я посмотрела на него.

— Я не считала тебя чужим.

Он отвел глаза.

В этот момент мне почему-то стало очень стыдно.

Не за него.

За себя.

За то, что я одна продолжала жить в браке, которого, оказывается, уже не существовало для второго человека.

Будто я приходила каждый вечер в закрытый магазин, включала свет, наводила порядок и не замечала таблички на двери.

Хотя никакой таблички не было.

Мне просто не сказали.

— Ты ее любишь? — спросила я.

Виктор долго молчал.

Потом ответил:

— Да. Думаю, люблю.

Я кивнула.

Странно, но именно этот ответ я восприняла спокойнее всего.

Возможно, потому что после почти года отношений было бы еще унизительнее услышать, что все происходило просто так.

— А меня?

Он посмотрел на меня с таким выражением, что я уже знала ответ.

— Ты мне очень дорога, Наташа.

Я отвернулась.

Он продолжил:

— Мы столько лет вместе. У нас дочь, дом, общая жизнь. Я никогда не перестану считать тебя близким человеком.

— Но женой больше не хочешь.

Он помолчал.

— Да.

Мне захотелось выйти из комнаты.

Прямо сейчас.

Надеть обувь, взять сумку и уйти куда угодно, лишь бы не видеть его лицо.

Но я осталась сидеть.

— И что ты предлагаешь дальше?

Виктор будто обрадовался вопросу.

Он выпрямился.

— Во-первых, ничего не нужно делать сгоряча. Свадьба через два месяца. Полина сейчас и так нервничает. Давай проведем ее нормально, а потом спокойно решим все остальное.

Я смотрела на него.

— То есть еще два месяца мы должны жить как раньше?

— Не обязательно совсем как раньше. Мы можем обсудить, как будет удобнее.

— Кому?

— Нам обоим.

— А Лариса где будет?

Он нахмурился.

— При чем здесь это?

— Ты собираешься приходить к ней, а вечером возвращаться сюда?

— Пока можно оставить все так, как есть. Но я не хочу больше скрывать отношения.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

До этого была боль, растерянность, страх.

А теперь злость.

— Значит, все останется как раньше, только я буду знать, куда ты ездишь?

— Наташа, не передергивай.

— Я пытаюсь понять твой план.

Он встал.

— Я хочу решить вопрос достойно. Без грязи, без скандалов и обвинений. Дом есть, деньги есть. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Я не собираюсь бросать тебя на произвол судьбы.

— Как благородно.

— Не надо этого тона.

— А каким тоном мне с тобой разговаривать?

Он сжал губы.

— Я понимаю, что ты обижена.

— Я не обижена, Витя.

Он посмотрел на меня.

Я сама не знала, что хотела сказать дальше.

Мне было больно. Страшно. Я чувствовала себя обманутой и совершенно не представляла, как проснусь завтра утром в этом доме.

Но слово «обижена» казалось слишком маленьким.

Будто он забыл о годовщине или не приехал вовремя за мной в магазин.

— Ты почти год жил с другой женщиной, — сказала я. — А я ничего не знала. Я разговаривала с ней, приглашала в дом, шила ей платье. И теперь ты предлагаешь мне еще два месяца вести себя нормально, чтобы тебе было удобно.

— Не мне. Нашей дочери.

— Полина вообще знает, что происходит?

— Нет.

— Тогда не прикрывайся ею.

Мы замолчали.

Виктор подошел к столу, собрал листы со списком гостей и сложил их в ровную стопку.

Даже сейчас он не мог оставить бумаги разбросанными.

— Я сегодня не хотел ругаться, — произнес он.

— А чего ты хотел?

— Поговорить.

— Ты поговорил.

Он посмотрел на часы.

Было около половины девятого.

Я знала, что в это время Виктор обычно смотрел новости.

Двадцать три года я знала, что он делает вечером.

Теперь не знала, где он проводил почти год своей жизни.

— Наташ, давай завтра продолжим. Сейчас мы оба на эмоциях.

Я поднялась.

— Я не хочу завтра продолжать этот разговор.

— Хорошо. Когда будешь готова.

— И еще.

Он остановился.

— Не обещай Ларисе ничего от имени Полины. И от моего тоже.

— Я услышал.

Я пошла к двери.

Уже в коридоре Виктор окликнул меня:

— Наташа.

Я обернулась.

— Что?

Он помедлил.

— Я не хотел причинить тебе столько боли.

Я смотрела на него несколько секунд.

— Но ты же понимал, что причиняешь.

Он ничего не ответил.

Я поднялась наверх.

* * *

В спальне пахло нашим обычным порошком для белья.

На тумбочке Виктора лежала книга, которую он начал читать две недели назад. Рядом — очки и упаковка таблеток от давления.

На моей стороне стояла маленькая лампа. Ее мы купили на распродаже лет семь назад. Виктор тогда ворчал, что она слишком дорогая для такой ерунды, а потом сам прикрутил к ней новый выключатель, когда старый сломался.

Я стояла посреди комнаты и смотрела на все эти вещи.

Мне хотелось найти хоть что-нибудь, что уже выглядело чужим.

Но ничего не изменилось.

На дверце шкафа висел мой домашний халат. На спинке кресла лежала вчерашняя футболка Виктора. На полу возле окна стоял пакет с новыми полотенцами.

Вечером я собиралась убрать их в ванную.

Теперь не могла заставить себя даже подойти к пакету.

Я села на кровать.

Завтра нужно было сделать несколько рабочих звонков, проверить заказ ткани и договориться с Полиной о следующей примерке.

Во вторник Виктору понадобился бы костюм.

В пятницу к нам собиралась приехать его мать.

Я все это знала.

И не понимала, какое отношение теперь имею к его костюму, матери и пятничному ужину.

Телефон завибрировал.

Полина.

«Мам, мы посмотрели меню. Илья хочет выбрать рыбу вместо мяса для одного горячего. Это нормально?»

Я прочитала сообщение два раза.

Рыба вместо мяса.

Мне хотелось ответить ей что-нибудь обычное. Спросить, вкусная ли рыба, уточнить гарнир, напомнить, что у тети Любы аллергия на некоторые продукты.

Я открыла клавиатуру.

Написала:

«Конечно, солнышко. Это ваша свадьба. Выбирайте, что вам нравится».

Отправила.

Через минуту дочь прислала сердечко и фотографию маленького десерта, который они попробовали в ресторане.

«Смотри, какие красивые. Думаем такие на сладкий стол».

Я увеличила фотографию.

На белой тарелке стояли три маленьких пирожных.

Одно было розовое.

Я вдруг вспомнила, как Полина в шесть лет заявила, что выйдет замуж только в розовом платье, потому что белое слишком скучное.

Виктор тогда сказал, что к ее свадьбе мы успеем заработать на платье любого цвета.

Она рассмеялась и обняла его за шею.

Я положила телефон на кровать.

Слезы начались неожиданно.

Сначала я просто закрыла лицо ладонями.

Потом не смогла остановиться.

Я плакала так, что пришлось несколько раз вставать за водой. Болела голова, першило в горле. Я пыталась дышать ровно, но каждый раз вспоминала какую-нибудь мелочь и начинала снова.

Наш первый Новый год вместе.

Полина с температурой под сорок.

Виктор, который ночью возил меня в больницу после падения на скользкой лестнице.

Его руки на моей талии, когда мы танцевали на юбилее друзей.

Его голос из сегодняшней гостиной.

«На свадьбу я приду с Ларисой».

Я не знала, как совместить все это в одном человеке.

Самое страшное заключалось в том, что хорошее никуда не исчезало.

Я не могла заставить себя забыть, как он обо мне заботился. Не могла объявить двадцать три года брака сплошным несчастьем.

Я была счастлива.

Не каждый день, не каждую минуту.

Но была.

А теперь выходило, что последние месяцы я просто не знала, в какой жизни нахожусь.

Я встала и подошла к зеркалу.

Лицо распухло. Под глазами появились красные пятна. Волосы выбились из заколки.

Мне было сорок три.

Я никогда особенно не боялась своего возраста. У меня была хорошая кожа, я следила за собой, любила красивые вещи, хотя чаще покупала их другим, чем себе.

Но сейчас я разглядывала каждую морщинку.

Ларисе было сорок.

Всего на три года меньше.

Я знала, что она красивая женщина. Умела одеваться, всегда делала укладку, уверенно разговаривала с мужчинами.

Мне стало стыдно за то, что я вообще начала сравнивать нас.

Я отвернулась от зеркала.

Если Виктор любил другую, разве имело значение, насколько хорошо я выглядела?

И почему первым делом я решила искать недостатки в себе?

Внизу хлопнула дверь.

Я подошла к лестнице.

Виктор поднимался с подушкой и пледом.

Увидев меня, остановился.

— Я сегодня в гостевой посплю.

Я кивнула.

Он посмотрел на мое лицо и немного растерялся.

— Наташ...

— Не надо.

— Может, принести тебе воды?

— У меня есть.

— Хорошо.

Он постоял еще несколько секунд.

Потом пошел в гостевую комнату.

Я закрыла дверь спальни.

И только тогда заметила, что продолжаю держать в руке телефон.

На экране висело сообщение от клиентки.

«Наталья Викторовна, добрый вечер. Завтра в одиннадцать все в силе?»

Я посмотрела на себя в зеркало еще раз.

Завтра я не смогу нормально провести примерку.

Мне нужно было выспаться хотя бы несколько часов, прийти в себя, перестать плакать от одного взгляда на знакомую вещь.

Я открыла переписку.

«Алина, добрый вечер. Извините, пожалуйста, у меня возникли семейные обстоятельства. Можно перенести примерку на понедельник, на шесть вечера? По срокам мы ничего не потеряем».

Ответ пришел почти сразу.

«Конечно. Надеюсь, у вас все хорошо».

Я долго смотрела на эти слова.

Потом написала:

«Спасибо за понимание. В понедельник буду вас ждать».

Телефон снова зазвонил.

На этот раз высветилось имя моей свекрови.

Я не ответила.

Не потому, что сердилась на нее. Анна Павловна ничего мне не сделала.

Просто не могла сейчас разговаривать.

Через минуту пришло сообщение:

«Наташенька, привет. Ты завтра дома? Хотела заехать, кое-что передать Полине».

Я прочитала и положила телефон.

Завтра.

Все хотели что-нибудь завтра.

Приехать, обсудить, передать, договориться.

А я не знала, где буду через неделю.

Эта мысль впервые показалась мне достаточно реальной, чтобы испугаться.

Я оглядела спальню.

В этом доме находились мои вещи, мои ткани, инструменты, фотографии, документы, книги.

Здесь прошли последние двенадцать лет моей жизни.

Я выбирала шторы, красила стены в детской, спорила с Виктором о плитке для ванной. Во дворе сама посадила кусты гортензии.

Я не была здесь гостьей.

Но оставаться с мужем, который собирался открыто встречаться с другой женщиной, казалось невыносимым.

Я не могла представить, как мы будем завтракать за одним столом.

Как он станет спрашивать, что купить в магазине.

Как я буду слышать его телефонные разговоры с Ларисой.

Или как однажды она появится на пороге дома, в который прежде приходила как наша знакомая.

Я села к туалетному столику и открыла нижний ящик.

Там лежала папка с документами, которые я обычно хранила отдельно: мои дипломы, несколько свидетельств, старые договоры аренды рабочего оборудования, банковские выписки.

Я не знала, зачем достала ее.

Наверное, хотела проверить, что у меня вообще есть свое.

Банковская карта.

Небольшие накопления.

Швейные машинки, за которые я сама платила.

Заказы на ближайшие месяцы.

Работа, которую я умела делать.

Я не сидела без денег и не зависела полностью от Виктора.

Но никогда не считала, сколько стоит отдельная жизнь.

Сколько нужно на квартиру, на перевозку оборудования, на рабочее место. Где я буду принимать клиенток, если уйду отсюда?

На кухне съемной квартиры я не смогла бы работать: для больших свадебных платьев и нескольких примерок в неделю нужно больше места.

Нужен был стол. Хороший свет. Место для машинки, оверлока, утюга с парогенератором, манекена.

И еще нужно было понять, как жить дальше.

Я закрыла папку.

Мне хотелось позвонить маме.

Она умерла семь лет назад.

Иногда я до сих пор ловила себя на этом желании. Особенно когда случалось что-то, с чем не знала, как справиться.

Мама никогда не давала быстрых советов. Сначала выслушивала, потом спрашивала, чего я сама хочу.

Я часто злилась на этот вопрос.

Мне казалось, что она просто не желает помочь.

Теперь я бы многое отдала, чтобы снова его услышать.

Я встала, умылась холодной водой и переоделась в домашние брюки.

На часах было почти одиннадцать.

Виктор за стеной разговаривал по телефону.

Я не различала слов.

Услышала только его обычный негромкий голос.

И подумала, что, возможно, он уже рассказывает Ларисе о нашем разговоре.

О том, что наконец сообщил жене.

О том, что теперь все будет проще.

Меня снова затошнило.

Я вернулась в спальню и закрыла дверь плотнее.

На кровати лежал телефон.

Я открыла приложение с объявлениями о недвижимости.

В строке поиска набрала:

«Реченск. Аренда квартиры».

Появились фотографии чужих комнат.

Светлые кухни, маленькие прихожие, диваны, ковры, стиральные машины в ванных.

Одна квартира находилась недалеко от центра, но стоила слишком дорого.

Другая была дешевле, зато до нее пришлось бы ехать через весь город.

Третья выглядела аккуратно: одна комната, небольшая кухня, окно во двор.

Я открыла фотографии.

У окна стоял письменный стол.

Я приблизила снимок, пытаясь понять, можно ли будет убрать его и поставить туда швейную машинку.

Я не собиралась принимать клиенток в квартире, не согласовав это с хозяином. Да и для свадебных платьев требовалось больше места.

Значит, придется искать еще и отдельное помещение для работы.

Я закрыла объявление.

Посмотрела на стоимость аренды следующей квартиры.

Начала считать.

Впервые за весь вечер мысли занялись чем-то, что можно было решить.

Мне было страшно.

Я не знала, смогу ли спокойно рассказать дочери о том, что произошло. Не знала, как буду разговаривать с Виктором завтра. Не знала, хватит ли денег на первые месяцы отдельной жизни.

Но я продолжала листать объявления.

На пятой странице нашлась небольшая квартира с простой мебелью, нормальной кухней и автобусной остановкой неподалеку.

Я сохранила ее в избранное.

Потом еще одну.

И еще.

Из гостевой комнаты донесся звук телевизора.

Я машинально прислушалась, собираясь попросить Виктора сделать потише.

Так делала всегда, когда он мешал мне спать.

Потом передумала.

Выключила звук на телефоне, легла на кровать и снова открыла сохраненные объявления.

Завтра нужно было узнать, сколько стоит аренда рабочего места.

Я вспомнила про Марину, хозяйку небольшого ателье, с которой когда-то вместе работала над большим заказом. Она давно предлагала мне сотрудничать, но я отказывалась: дома было удобнее.

Теперь я открыла ее контакт.

Писать в одиннадцать вечера не стала.

Поставила напоминание на утро.

После этого еще раз посмотрела на фотографии маленькой квартиры возле центра.

Ничего особенного в ней не было.

Обычный стол, два стула, кровать у стены и старый холодильник.

Но я поймала себя на том, что уже представляю, куда поставлю любимую чашку и где буду хранить книги.

И впервые за этот бесконечный вечер подумала не о том, почему Виктор меня разлюбил.

А о том, что мне придется научиться жить без него.

Глава 2. Адрес, который я выбрала

Утром я проснулась от запаха кофе.

Несколько секунд лежала с закрытыми глазами, пытаясь понять, почему так болит голова. За окном шумели деревья, внизу звякнула чашка. Виктор, как обычно по воскресеньям, уже хозяйничал на кухне.

Я повернулась на другой бок и увидела пустую половину кровати.

Вчерашний разговор вспомнился сразу.

Лариса.

Почти год.

Свадьба Полины.

Я села, опустила ноги на пол и некоторое время смотрела на собственные тапочки. Они стояли ровно, носками к кровати. Вчера перед сном я зачем-то их поправила.

На часах было семь сорок.

Спала я от силы три часа. В какой-то момент уснула прямо с телефоном в руке, а проснувшись среди ночи, снова открыла объявления о квартирах. К утру у меня сохранилось девять вариантов.

Восемь оказались неподходящими.

Я еще не позвонила ни по одному номеру, но уже знала, что в квартиру на первом этаже с окнами на оживленную улицу не поеду. И что сорок пять тысяч в месяц платить не смогу, даже если на фотографиях будет идеальная кухня.

Девятый вариант я пока оставила.

В дверь тихо постучали.

— Наташ, ты проснулась?

Я натянула халат.

— Да.

Виктор приоткрыл дверь, но внутрь не вошел.

Он был в домашних брюках и футболке. Выбритый, причесанный, совершенно обычный. Вчерашний разговор никак не отразился на его внешности.

— Кофе будешь?

Я хотела сказать, что не буду.

Потом поняла, что хочу кофе. И не собираюсь от него отказываться только потому, что муж оказался человеком, которого я совершенно не знала.

— Буду.

— Я сделал. На кухне стоит.

— Спасибо.

Он задержался.

— Ты как?

Я посмотрела на него.

— Как, по-твоему?

Виктор опустил глаза.

— Понятно.

Я не верила, что ему что-нибудь понятно. Но объяснять не собиралась.

— Наташ, я вчера, возможно, слишком резко начал разговор.

— Ты считаешь, проблема в том, как ты начал?

— Я не это сказал. Просто понимаю, что для тебя все неожиданно.

— Да. Совершенно неожиданно узнать, что муж почти год встречается с другой женщиной.

Он поморщился.

— Давай хотя бы с утра не будем ссориться.

— Я и не собиралась.

— Хорошо. Тогда спускайся, позавтракаем.

Он закрыл дверь.

Я просидела на кровати еще минут пять.

Мне было странно, что Виктор продолжал разговаривать со мной так, будто вчера мы повздорили из-за какой-нибудь бытовой мелочи.

Он предлагал кофе. Собирался завтракать. Наверное, надеялся, что я спущусь, приготовлю омлет, поставлю перед ним тарелку и мы обсудим, как теперь все устроить.

Я умылась, собрала волосы и спустилась вниз.

На кухонном столе стояла моя чашка. Белая, с тонкой синей полоской по краю. Виктор купил ее вместе с собственной лет пять назад. Его чашка была темно-серой.

Он уже приготовил себе бутерброды.

— Садись. Я хлеб поджарил.

Я взяла кофе.

— Сегодня к Полине поеду.

— Зачем?

— Поговорить.

Он положил нож.

— О вчерашнем?

— Да.

— Наташ, может, сначала мы с тобой определимся, что ей говорить?

— Я уже определилась.

— И что ты собираешься сказать?

— Что мы расстаемся. И почему.

Виктор откинулся на спинку стула.

— Я же просил не рассказывать ей подробности.

— Ты просил меня представить наш развод общим решением. Но это неправда.

— Я не хочу, чтобы Полина возненавидела меня.

— Тогда тебе стоило подумать об этом раньше.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Это моя дочь тоже.

— Я знаю.

— И мне не все равно, что она будет обо мне думать.

— Тогда поговори с ней. Я тебе не запрещаю.

— Можно хотя бы сделать это вместе?

Я посмотрела на часы.

— Вчера ты сказал, что уже пообещал Ларисе прийти с ней на свадьбу. Полина должна узнать об этом от нас, а не от кого-то еще.

— Я еще ничего окончательно не согласовывал.

— Значит, не надо было обещать.

Виктор отодвинул тарелку.

— Ты сейчас хочешь меня наказать.

— Нет. Я хочу поговорить с дочерью.

Я допила половину кофе и встала.

Он не попытался меня остановить.

Наверху я достала телефон и написала Полине, что хочу приехать. Она ответила почти сразу.

«Конечно. Что-то случилось?»

Я долго смотрела на вопрос.

«Да. Мне нужно с тобой поговорить. Ты сегодня дома?»

«До трех. Мам, ты меня пугаешь».

«Я приеду через час».

Она позвонила немедленно.

— Мам, что произошло? С тобой все нормально?

Я услышала ее встревоженный голос и едва не расплакалась.

— Со здоровьем все нормально, солнышко.

— С папой что-то?

— Мы поговорим, когда я приеду.

— Ты не можешь хотя бы сказать, насколько все плохо?

— Это касается нас с папой.

Она помолчала.

— Вы поссорились?

— Полина, я скоро буду. Хорошо?

— Хорошо. Илья дома. Мне попросить его уйти?

— Да, пожалуйста. Я хотела бы сначала поговорить с тобой.

Когда я отключилась, руки дрожали.

Только теперь я поняла, как тяжело будет произнести вслух то, что произошло.

Вчера меня предал муж.

Сегодня я должна была сообщить дочери, что привычной семьи больше нет.

И сделать это так, чтобы она не почувствовала себя ответственной за наш брак.

Я открыла шкаф.

Долго выбирала одежду, хотя собиралась всего лишь к Полине.

Наконец надела обычные джинсы, светлую рубашку и удобные туфли. Посмотрела в зеркало.

Глаза оставались опухшими.

Пришлось немного подкраситься.

Виктор стоял в прихожей, когда я спустилась.

— Наташ, я все-таки прошу тебя...

— Витя, не надо.

— Я просто хочу, чтобы ты учитывала интересы дочери.

Я взяла ключи.

— Именно этим я и собираюсь заниматься.

Он ничего не ответил.

Я вышла из дома.

По дороге несколько раз хотела развернуться.

Не потому, что передумала рассказывать.

Просто представляла лицо Полины и понимала, что причиню ей боль. А за двадцать два года я привыкла делать все, чтобы моей дочери было хорошо.

Один раз даже остановилась возле магазина.

Посидела в машине, глядя на людей, которые выходили с пакетами, покупали цветы, разговаривали по телефону.

Потом завела двигатель.

Полина ждала меня.

Я должна была приехать.

Ее квартира находилась на третьем этаже нового дома. Небольшая двухкомнатная, с открытым балконом и узкой кухней, которую Полина постоянно пыталась сделать уютнее.

На двери висел венок из сухих цветов. Она сплела его прошлой осенью и гордо объявила, что не собирается снимать до следующей.

Я нажала звонок.

Дочь открыла почти сразу.

— Мам.

Она посмотрела на мое лицо.

— Ты плакала?

Я кивнула.

Полина обняла меня прямо в прихожей.

— Что случилось?

Я почувствовала запах ее шампуня, знакомый с детства, и на мгновение захотела остаться в этих объятиях, ничего не объясняя.

— Пойдем сядем.

Ильи дома не было. На кухонном столе стояли две кружки, рядом лежали распечатки свадебного меню.

Полина убрала бумаги.

— Чай?

— Давай просто посидим.

Она села напротив.

Волосы были собраны в небрежный пучок. На ней была моя старая домашняя футболка, которую она забрала еще в студенческие годы.

— Мам, пожалуйста, говори.

Я сложила руки на столе.

— Мы с папой расстаемся.

Полина несколько секунд молчала.

— В смысле?

— Мы больше не будем жить вместе.

— Почему?

Я посмотрела ей в глаза.

— У папы другая женщина.

Она даже не сразу изменилась в лице.

Словно не поняла, что услышала.

— Что?

— Вчера он рассказал мне, что почти год встречается с другой.

— Почти год?

— Да.

— И ты только вчера узнала?

— Да.

Полина резко встала.

Прошла к окну, потом вернулась.

— Нет. Подожди. Это какая-то ерунда.

Я молчала.

— Мам, вы же нормально жили. Он с тобой разговаривал, вы вместе на дачу к дяде Сергею ездили. Мы все вместе ужинали на прошлой неделе.

— Я знаю.

— И он тебе просто взял и сказал?

— Да.

— Кто она?

Вот этого вопроса я боялась особенно.

— Лариса Соколова.

Полина смотрела на меня, не моргая.

Потом медленно опустилась на стул.

— Та самая Лариса?

— Да.

— Которая приходила к нам?

Я кивнула.

— Которая мне букет прислала после защиты диплома?

— Она.

— Господи.

Дочь закрыла рот ладонью.

— Мам, это же...

Она не закончила.

Я протянула ей салфетку, хотя она еще не плакала.

— Полин, послушай меня. Я не приехала, чтобы ты сейчас принимала чью-то сторону. Ты имеешь право любить папу. Это ваши отношения, и я не собираюсь в них вмешиваться.

Она вскинула голову.

— Ты серьезно думаешь, что я сейчас буду спокойно к нему относиться?

— Я не знаю. Ты можешь злиться. Имеешь право.

— Он же тебя предал.

Я не ожидала услышать это от дочери.

Почему-то именно эти слова оказались самыми тяжелыми.

Я отвернулась, пытаясь справиться со слезами.

Полина придвинула стул ближе.

— Мам, прости.

— Тебе не за что извиняться.

— Я просто не знаю, что говорить.

— Я тоже.

Она взяла меня за руку.

Так мы просидели несколько минут.

Потом Полина спросила:

— А почему именно сейчас?

Я посмотрела на нее.

— Папа сказал, что больше не хочет скрывать отношения. Он собирается прийти на вашу свадьбу с Ларисой.

Дочь убрала руку.

— Что?

— Он вчера об этом говорил.

— На мою свадьбу?

— Да.

— Он вообще с ума сошел?

— Полина...

— Нет, мам, я сейчас серьезно. Он решил привести любовницу на мою свадьбу? И считает, что это нормально?

Я не знала, что ответить.

Полина поднялась, схватила телефон.

— Я сейчас ему позвоню.

— Подожди.

— Почему?

— Потому что ты очень расстроена. И потому что я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной немедленно что-то решать.

— А когда мне решать? За день до свадьбы?

— У тебя есть время.

Она положила телефон.

— Я не хочу видеть Ларису на своей свадьбе.

— Тогда скажи папе.

— Скажу.

Полина села обратно.

Мы говорили еще минут двадцать. Она задавала вопросы, на которые у меня не было ответов.

Когда это началось?

Почему я не замечала?

Как отец собирается жить дальше?

Где теперь буду жить я?

На последний вопрос я ответила честно:

— Пока не знаю.

Судя по ее лицу, этот ответ испугал ее сильнее всего.

— Мам, в смысле не знаешь?

— Я хочу снять квартиру.

— Зачем? Это же и твой дом.

— Я знаю. Но оставаться там сейчас не могу.

— Тогда пусть он уходит.

— Я не собираюсь решать вопрос о доме сегодня. Мне нужно место, где я смогу спокойно жить и работать. А с остальным разберемся позже.

Полина потерла виски.

— Господи. У меня свадьба через два месяца.

Я опустила глаза.

Она сразу заметила.

— Мам, я не это хотела сказать.

— Я понимаю.

— Просто у нас все уже заказано. Люди приглашены. Ресторан, музыка, фотограф. Папа обещал оплатить половину всего этого. И теперь...

Она замолчала.

Я ждала.

— Мам, а может, вы хотя бы до свадьбы ничего не будете менять?

Я подняла голову.

Полина выглядела испуганной.

Не злой. Не равнодушной.

Просто очень молодой женщиной, у которой за одно утро рухнуло представление о семье.

— Что именно не менять? — спросила я.

— Ну... Может, пока не разъезжаться? Не разводиться? Потом, когда все пройдет, вы спокойно решите.

— Ты хочешь, чтобы я еще два месяца жила с папой?

— Я не знаю. Может, он пока перестанет встречаться с ней?

— Полина, он сказал, что любит Ларису.

Дочь отвернулась.

— Я понимаю.

— И что хочет развода.

— Я понимаю, мам.

— Тогда зачем нам делать вид, что ничего не произошло?

— Потому что я боюсь, что теперь вообще ничего нормального не будет!

Она сказала это громче, чем собиралась.

Потом прикрыла лицо руками.

Я пересела рядом.

— Солнышко.

— Прости.

— Тебе не нужно просить прощения за то, что ты испугалась.

Она всхлипнула.

— Я просто хотела свадьбу. Нормальную. Чтобы вы оба были рядом. Чтобы никто ни с кем не ругался. Я же не просила ничего особенного.

Я обняла ее.

— И ты имеешь право хотеть этого.

— Но теперь все испортится.

— Не обязательно.

— Мам...

— Послушай. Я не обещаю жить с папой до свадьбы. Не могу. Но я обещаю, что не стану устраивать выяснения отношений на вашем празднике. И не буду просить тебя выбирать между нами.

Она посмотрела на меня.

— А папа?

— За его поступки я отвечать не могу.

Мы еще долго сидели на кухне.

Под конец Полина немного успокоилась.

Я предложила ей позвонить Илье, потому что он наверняка уже волновался.

— Я ему расскажу, — сказала она.

— Конечно.

— Ты не против?

— Полина, он твой будущий муж. Вы сами решаете, чем делиться друг с другом.

Она вытерла глаза.

— Папа хоть понимает, что сделал?

Я вспомнила вчерашний разговор.

— Думаю, не до конца.

— Я с ним поговорю.

— Только не сегодня, если не хочешь.

— Нет. Сегодня я точно не смогу.

Она проводила меня до двери.

Уже на пороге вдруг спросила:

— Мам, а мое платье?

Я обернулась.

— Что с ним?

— Ты же теперь будешь переезжать. Работать где-то. У тебя столько всего...

— Я закончу твое платье.

— Я не это имела в виду. Если тебе тяжело, мы можем купить готовое.

Я покачала головой.

— Я хочу его сшить. Правда. Только, наверное, нам придется немного иначе организовать примерки.

Полина обняла меня.

— Я тебя люблю.

Я прижала ее к себе.

— И я тебя.

На лестнице мне снова захотелось плакать.

Но я дошла до машины, села за руль и несколько минут просто дышала.

Не знаю, стало ли дочери легче после нашего разговора.

Мне не стало.

Зато теперь она знала правду.

И я больше не должна была участвовать в чужом обмане.

Когда я приехала домой, Виктор сидел на террасе с телефоном.

Он поднял голову.

— Поговорила?

— Да.

— И?

— Она расстроена.

— Это понятно.

Я остановилась у двери.

— Она не хочет, чтобы Лариса приходила на свадьбу.

Виктор медленно положил телефон на стол.

— Это она сама сказала?

— Да.

— Ты уверена, что не подтолкнула ее к этому?

Я почувствовала знакомое желание начать оправдываться.

Рассказать, какими словами говорила с дочерью. Объяснить, что ничего не требовала. Пересказать разговор почти дословно.

Но остановилась.

— Витя, Полине двадцать два года. Если хочешь знать ее мнение, спроси у нее.

Я вошла в дом.

Он не пошел за мной.

К вечеру пришло сообщение от дочери.

«Мам, Илья знает. Он в шоке. Мы решили сегодня ничего не обсуждать. Люблю тебя».

Я ответила, что тоже ее люблю.

Потом открыла банковское приложение.

И впервые начала считать, сколько будет стоить моя отдельная жизнь.

На накопительном счете у меня лежало чуть больше двухсот тридцати тысяч рублей.

Деньги собирались постепенно. Несколько лет назад я решила откладывать часть заработка отдельно, чтобы когда-нибудь купить новую промышленную машинку или снять собственное помещение для работы.

Машинку я уже купила.

А накопления продолжали лежать.

На другом счете находились деньги от текущих заказов. Часть из них была авансами, которыми нужно было оплачивать материалы и работу до окончательного расчета с клиентками.

Считать их своими свободными деньгами я не могла.

Взять чужие авансы, потратить на квартиру, а потом надеяться, что как-нибудь заработаю на завершение платьев, было бы глупостью.

Я открыла блокнот.

Написала сверху:

«Расходы на переезд».

Аренда квартиры.

Залог.

Рабочее место.

Перевозка оборудования.

Продукты.

Дорога.

Неожиданные расходы.

Под последней строкой я оставила больше места.

На всякий случай.

Когда закончила, получилось почти восемьдесят тысяч только на устройство новой жизни.

Еще утром эта сумма показалась бы мне пугающей.

Теперь я смотрела на нее с некоторым облегчением.

Это были деньги.

Большие, ощутимые, но настоящие.

Сумму можно было проверить, уменьшить, заработать снова.

А вот двадцать три года совместной жизни пересчитать было невозможно.

Я нашла номер Марины Котовой.

Мы познакомились лет восемь назад, когда вместе выполняли заказ на сценические костюмы для городского театра. Марина была человеком прямым, деловым и довольно шумным. У нее было небольшое ателье возле центра.

Год назад она предлагала мне арендовать у нее рабочее место.

Я отказалась.

Дома у меня была отдельная комната, все оборудование под рукой. Зачем тратить деньги на аренду?

Теперь я написала:

«Марина, привет. Не поздно? Хочу спросить насчет рабочего места. У тебя сейчас есть свободное?»

Ответ пришел через десять минут.

«Наташа, привет. Есть. Ты все-таки надумала?»

Я набрала:

«Да. Нужно довольно срочно».

Марина тут же позвонила.

— Наташ, ты серьезно?

— Вполне.

— А что случилось?

Я посмотрела на закрытую дверь кухни.

— Семейные обстоятельства. Не хочу пока обсуждать.

— Поняла. Тогда по делу. Второй стол свободен. Свет хороший, розеток достаточно. Но оборудование свое. И аренда, сама понимаешь, не бесплатная.

— Сколько?

Она назвала сумму.

Пятнадцать с половиной тысяч в месяц.

Я записала.

— И никаких особенных условий мне не надо, — добавила я. — Обычная аренда.

— Других и не предложу. Ты меня знаешь.

Я впервые за день улыбнулась.

— Знаю.

— Когда посмотреть хочешь?

— Можно завтра утром?

— В десять подъезжай. Я буду на месте.

После разговора я снова открыла объявления о квартирах.

Тот вариант, который сохранила ночью, находился всего в пятнадцати минутах ходьбы от ателье Марины.

Аренда — двадцать восемь тысяч.

Залог — столько же.

Я увеличила фотографии кухни, ванной и комнаты.

Потом позвонила по указанному номеру.

Ответила женщина с низким голосом.

— Слушаю.

— Добрый вечер. Я по поводу квартиры на улице Садовой.

— Еще свободна.

— Можно посмотреть завтра?

— После обеда. Часа в два устроит?

— Да.

— Только сразу предупреждаю: с животными нельзя. И курить в квартире тоже.

— Я не курю. Животных нет.

— Сколько человек будет жить?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

Я смотрела на свое обручальное кольцо, которое все еще было на пальце.

— Одна, — ответила я.

Это слово прозвучало непривычно.

— Тогда приезжайте. Садовая, восемнадцать. Подъезд второй. Позвоните за полчаса.

Я записала адрес.

Потом еще долго сидела с открытым блокнотом.

У меня появилась завтрашняя цель.

Посмотреть место для работы.

Посмотреть квартиру.

Выяснить, смогу ли я действительно уйти.

Виктор зашел на кухню около девяти.

— Ты ужинать будешь?

Я подняла голову.

— Нет, спасибо.

Он посмотрел на блокнот.

— Что считаешь?

— Расходы.

— Какие?

Я закрыла его.

— На переезд.

Виктор несколько секунд молчал.

— Наташа, ты это серьезно?

— Да.

— Мы же вчера договорились, что не будем торопиться.

— Мы не договаривались.

— Я предложил спокойно все обдумать.

— Я обдумываю.

Он отодвинул стул и сел напротив.

— Ты собираешься сейчас, за два месяца до свадьбы, куда-то переехать?

— Да.

— И куда?

— Пока выбираю квартиру.

Виктор покачал головой.

— Господи, Наташа. Зачем тебе чужая квартира, когда у нас есть собственный дом?

— Потому что я не хочу здесь жить с тобой.

Он посмотрел в сторону окна.

— Я ведь не выгоняю тебя.

— Я знаю.

— И не собираюсь лишать денег.

— Хорошо.

— Тогда зачем все усложнять?

Я некоторое время молчала.

Хотелось объяснить так, чтобы он наконец понял.

Чтобы представил, каково мне будет видеть его каждое утро после того, как он скажет кому-то по телефону, что любит ее.

Каково будет продолжать готовить ему ужин, стирать рубашки, встречать гостей.

Но я уже пыталась объяснить это вчера.

— Мне будет спокойнее отдельно, — сказала я.

Виктор потер ладонью лоб.

— Хорошо. Допустим, ты переедешь. А работать где будешь? У тебя здесь целая мастерская.

— Я нашла вариант.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Когда успела?

— Сегодня.

— Наташа, ты не обязана делать все назло мне.

— Я делаю это для себя.

— Ты никогда раньше не хотела жить одна.

— Раньше у моего мужа не было другой женщины.

Он отвел взгляд.

Мы еще немного посидели молча.

Потом Виктор встал.

— Ладно. Делай как считаешь нужным. Только сгоряча ничего не подписывай.

Я не стала отвечать.

Когда он ушел, я посмотрела на блокнот.

Слово «переезд» больше не казалось совершенно невозможным.

В понедельник я приехала к Марине без десяти десять.

Ателье располагалось на первом этаже кирпичного здания, между аптекой и магазином товаров для животных. На окнах висели светлые шторы, возле входа стоял большой горшок с цветами.

Марина открыла дверь сама.

— Наташка!

Она обняла меня, отступила и внимательно посмотрела в лицо.

— Выглядишь ужасно.

— Спасибо.

— Зато честно.

— Очень ценю.

Она не стала спрашивать ничего лишнего.

Провела в рабочую комнату.

Помещение было небольшим, но хорошо организованным. Два больших раскройных стола, несколько промышленных машин, манекены у стены, стеллажи с коробками материалов.

Возле окна стоял свободный стол.

— Вот это твое место, если захочешь. Свой манекен поставишь здесь. Машинку можно подключить к этой розетке. Для парогенератора отдельная линия, я электрика вызывала весной.

Я подошла к столу.

Провела рукой по поверхности.

Ширины хватало.

Свет действительно был хороший.

— А клиенток где принимать?

— В примерочной. По записи, как и у меня. Только предупреждать заранее, чтобы не назначать одновременно.

— А хранение?

Марина показала свободный шкаф, который закрывался на ключ.

Мы обсудили все, о чем я обычно даже не задумывалась, работая дома.

Время доступа.

Уборку.

Использование общего оборудования.

Ответственность за ткани клиенток.

Оплату электричества.

В какой момент можно расторгнуть договор аренды рабочего места.

Марина отвечала подробно, не торопясь.

— Наташ, я тебя знаю. Ты аккуратная, с клиентками умеешь разговаривать. Но если будем работать вместе, давай сразу все на бумаге. Чтобы потом никто никому ничего не был должен сверх договоренного.

— Я именно так и хочу.

Она кивнула.

— Значит, договоримся.

Я еще раз осмотрела стол.

В голове уже выстраивался порядок работы.

На этом краю встанет машинка, возле окна — манекен. В шкафу будут ткани и незавершенные заказы, на отдельной полке — фурнитура.

— Когда могу заехать? — спросила я.

— Хоть в среду. Только заранее скажи, когда грузчики приедут, чтобы я не назначила на это время примерку.

Я кивнула.

— В среду было бы хорошо.

Марина внимательно посмотрела на меня.

— Наташ, ты уверена, что справишься?

Я знала, что она спрашивала не про шитье.

— Пока не очень.

— Это уже похоже на правду.

Она налила нам чай.

Мы посидели минут десять, обсуждая работу.

Я рассказала, какие заказы у меня сейчас в процессе, сколько примерок предстоит на ближайшие недели и почему мне важно перевезти оборудование быстро.

Марина предложила составить общий график использования примерочной.

Никаких особенных поблажек я не просила.

Она тоже их не предлагала.

И именно от этого мне стало легче.

Перед уходом я спросила:

— Ты сможешь дать мне договор сегодня?

— Скину на почту после обеда. Посмотришь спокойно, если все устраивает, подпишем.

— Хорошо.

Марина проводила меня до двери.

Уже на улице она вдруг окликнула:

— Наташ!

Я обернулась.

— Если понадобится помощь с оборудованием, скажи. Я в среду буду здесь с утра.

— Спасибо.

— И не тащи сама свою тяжелую машинку. Я помню, как ты однажды пыталась переставить ее без тележки.

Я невольно улыбнулась.

— Больше не буду.

После ателье я поехала посмотреть квартиру.

До назначенного времени оставалось почти полтора часа. Я остановилась возле небольшого кафе, заказала суп и чай.

Есть совершенно не хотелось.

Но утром я выпила только кофе, а впереди еще был разговор с хозяйкой квартиры.

Я заставила себя съесть хотя бы половину.

Потом достала телефон.

От Виктора пришло сообщение:

«Ты где?»

Я ответила:

«По делам».

Через минуту он написал:

«Когда вернешься?»

Я указала, что буду дома ближе к вечеру.

Больше ничего не пришло.

Хозяйку квартиры звали Вера Григорьевна.

Ей было около пятидесяти пяти. Невысокая, аккуратная женщина в светлом льняном костюме открыла дверь точно в назначенное время.

— Проходите. Обувь можно здесь оставить.

Квартира оказалась почти такой, как на фотографиях.

Одна комната, небольшая кухня, отдельная ванная, узкий коридор со шкафом.

Мебель простая, но чистая.

У окна стоял стол. Рядом — книжный шкаф с пустыми полками.

На кухне был старый холодильник, который слегка гудел.

— Холодильник рабочий, — сказала хозяйка, заметив мой взгляд. — Просто шумит немного. Если будет сильно мешать, скажете.

— Хорошо.

Я открыла окно.

Во дворе росли липы, стояли две скамейки и детская площадка. Где-то внизу разговаривали женщины.

— Соседи спокойные? — спросила я.

— В основном. Сверху молодая семья с ребенком. По вечерам иногда бегает. Но после десяти обычно тихо.

Я прошла в комнату.

Стены были выкрашены в теплый светло-серый цвет.

Ничего особенного.

Но окно выходило на зеленый двор, а не на дорогу, и в комнате было светло.

Я сразу представила, как поставлю на стол свою чашку.

Ту самую, с синей полоской.

Потом вспомнила, что она осталась дома.

— Вы надолго хотите снимать? — спросила Вера Григорьевна.

Я растерялась.

— Пока не знаю. Но не на неделю, конечно. Хотела бы заключить договор хотя бы на несколько месяцев.

— Договор обязательно. Мне тоже спокойнее, когда все официально и понятно. Залог равен месячной оплате. При выезде возвращаю, если все в порядке.

Мы обсудили коммунальные платежи, передачу показаний счетчиков и срок предупреждения о выезде.

Хозяйка оказалась человеком обстоятельным. Показала, где перекрывается вода, где лежат запасные ключи и как работает замок входной двери.

— Вы одна будете жить? — уточнила она.

— Да.

— Мужчина иногда приходить будет?

Я замерла.

Потом поняла, что она просто спрашивает о возможных жильцах.

— Пока не знаю. Но постоянно жить буду одна.

— Гостей приводить не запрещаю. Мне главное, чтобы не устраивали шумных компаний.

— Этого точно не будет.

Она посмотрела на меня с легким любопытством.

— Вы из другого города?

— Нет. Из Реченска.

— Просто переезжаете?

Я помедлила.

— Да. Просто переезжаю.

Вера Григорьевна не стала расспрашивать.

И я была ей за это благодарна.

Мы договорились, что на следующий день встретимся для подписания договора, если я окончательно решу снимать квартиру.

Когда я вышла на улицу, позвонила Марине.

— Я квартиру нашла.

— Где?

— На Садовой. Восемнадцатый дом.

— Так это же совсем рядом!

— Пятнадцать минут пешком.

— Отлично. И транспорт нормальный. Будешь своим ходом на работу добираться, если машину когда-нибудь в ремонт отдашь.

Я рассмеялась.

— Марина, ты уже все продумала.

— Я практичная женщина. А ты, судя по голосу, сегодня тоже начинаешь такой становиться.

После разговора я села в машину.

Открыла банковское приложение.

Прикинула еще раз.

Двадцать восемь тысяч за первый месяц.

Столько же залог.

Пятнадцать с половиной тысяч за рабочее место.

Перевозка вещей и оборудования — предварительно около десяти тысяч.

Оставались продукты, топливо, обязательные текущие расходы.

Я могла себе это позволить.

Не без тревоги.

Не без необходимости следить за деньгами.

Но могла.

И от этого было одновременно страшно и хорошо.

В шесть вечера приехала Алина.

Это была та самая клиентка, чью воскресную примерку я перенесла.

Она пришла вовремя, немного запыхавшаяся, с сумкой для обуви.

— Наталья Викторовна, здравствуйте. Как вы?

Я улыбнулась.

— Спасибо, уже лучше. Проходите.

Она примерила платье, и мы почти час разбирались с посадкой в области талии.

Работа требовала внимания.

Я проверяла линии, отмечала булавками лишние миллиметры, просила Алину повернуться боком, поднять руки, пройтись по комнате.

На какое-то время все остальное отошло на второй план.

Не потому, что я забыла о Викторе.

Просто здесь существовала задача, которую я умела решать.

Нужно было правильно посадить платье.

И я знала как.

— Теперь совсем другое дело, — сказала Алина, рассматривая себя в зеркале. — А то я уже испугалась, что оно мне не подходит.

— Подходит. Просто нужно было убрать лишнее в боковых швах.

— Вы волшебница.

Я покачала головой.

— Нет. Просто двадцать лет этим занимаюсь.

После ее ухода я аккуратно повесила платье в чехол.

Проверила список заказов.

Ничего срочного на среду не было.

Значит, я действительно могла перевезти оборудование без нарушения договоренностей с клиентками.

Я написала двум женщинам, с которыми были назначены примерки на следующей неделе, что адрес изменится. Обе подтвердили, что приедут.

Затем поднялась в спальню и достала дорожную сумку.

Виктор появился в дверях почти сразу.

— Ты куда-то собираешься?

Я положила на кровать несколько футболок.

— Да.

— Наташа.

Он произнес мое имя таким тоном, каким обычно обращался ко мне, когда считал, что я совершаю очевидную глупость.

Я выпрямилась.

— Что?

— Давай еще раз поговорим.

— О чем?

— О твоем переезде. Ты понимаешь, что это лишние расходы? У нас есть дом. Можешь спокойно жить здесь, сколько захочешь.

— Я не хочу.

— Ты же не обязана постоянно со мной общаться. Можем разойтись по разным комнатам, пока все не уладится.

Я посмотрела на него.

— Витя, ты сам слышишь, что предлагаешь?

— Вполне разумный вариант.

— Для тебя.

— И для тебя тоже.

Я молчала.

Он оглядел сумку.

— Квартиру уже нашла?

— Да.

— Где?

— В городе.

— Я спрашиваю адрес.

Я застегнула карман сумки.

— Садовая, восемнадцать.

Он немного удивился.

— Там же старый дом.

— Обычный дом. Квартира чистая.

— И сколько стоит?

Я назвала сумму.

Виктор присвистнул.

— Двадцать восемь тысяч в месяц за однокомнатную квартиру? Наташа, это же бессмысленно.

— Я посчитала расходы.

— Могла бы потратить эти деньги на что-нибудь полезное.

— Например?

Он не ответил.

Я вернулась к шкафу.

Виктор прошел в комнату.

— А работу куда переведешь?

— В ателье Марины.

— Той самой, с которой ты когда-то вместе костюмы шила?

— Да.

— Ты же всегда говорила, что лучше работать дома.

— Раньше мне здесь было удобно.

— А теперь вдруг стало неудобно?

Я закрыла шкаф.

— Витя, пожалуйста, перестань.

Он помолчал.

— Я просто не понимаю, зачем тебе себя так наказывать.

Я повернулась к нему.

— Я не наказываю себя. Я хочу спокойно спать, работать и не думать каждый день, где ты был вчера вечером.

Виктор отвел глаза.

Впервые за весь разговор он не нашелся с ответом сразу.

Потом тихо сказал:

— Я не собирался приводить Ларису сюда.

— А я не собираюсь ждать, когда ты передумаешь.

Он резко посмотрел на меня.

— Не надо говорить так, будто я специально хотел тебя унизить.

— Я говорю о том, что не хочу жить вместе.

— Хорошо, — произнес он после паузы. — Хорошо, Наташа. Я понял.

Но по его лицу было видно, что он по-прежнему не верил в серьезность моего решения.

Когда он вышел, я села на кровать.

Руки дрожали.

Еще совсем недавно я бы обязательно догнала его.

Сказала, что не хотела обидеть.

Объяснила, что понимаю его позицию.

Может быть, даже предложила компромисс.

Теперь мне хотелось одного: закончить собирать вещи.

Во вторник утром я подписала договор аренды квартиры.

Вера Григорьевна пришла с двумя экземплярами, заранее распечатанными и аккуратно сложенными в папку.

Мы проверили данные, составили акт о состоянии мебели и техники. Я перевела первый платеж и залог.

Хозяйка вручила мне ключи.

— Все. Можете заезжать.

Я держала их на ладони.

Два обычных ключа на металлическом кольце.

Никакой торжественности.

И все-таки я несколько секунд не могла отвести от них взгляд.

— Если что-то будет не так, звоните, — сказала Вера Григорьевна. — Только лучше не после одиннадцати вечера.

— Конечно.

Я поблагодарила ее и вышла.

На улице остановилась возле машины.

Проверила карман сумки.

Ключи были там.

Я достала их еще раз.

Потом рассмеялась над собой.

Сорок три года.

Я впервые самостоятельно сняла квартиру, в которой собиралась жить одна.

В двадцать лет я переехала к Виктору.

Потом переезжала вместе с ним.

И каждый раз вопрос нового жилья был связан с его службой, назначением, возможностями.

Теперь адрес выбрала я.

Днем Марина прислала договор на рабочее место. Мы еще раз обсудили условия и договорились встретиться в среду до приезда грузчиков.

Перевозчиков я нашла по рекомендации одной из клиенток.

Объяснила, что нужно перевезти бытовые вещи и профессиональное швейное оборудование. Менеджер уточнил размеры, вес машинки и наличие лифта.

Я отправила фотографии.

Он назвал стоимость с учетом разборки и аккуратной упаковки оборудования.

Сумма оказалась немного выше, чем я рассчитывала, но я согласилась.

Экономить на перевозке дорогой машинки было бы глупо.

К вечеру я собрала большую часть вещей.

Одежду.

Обувь.

Рабочие инструменты.

Документы.

Несколько книг.

Старую фотографию Полины, на которой она сидела на кухонном полу среди пластмассовых контейнеров и очень серьезно держала в руках деревянную ложку.

Я нашла ее в ящике комода.

На обороте Виктор когда-то написал:

«Наша главная хозяйка».

Снимок был сделан, когда Полине исполнилось два года.

Я долго смотрела на эту надпись.

Потом положила фотографию в сумку.

Общие альбомы оставила.

Не потому, что они перестали быть мне дороги.

Просто сейчас я не могла разбирать двадцать три года жизни по страницам.

Виктор заглянул в рабочую комнату, когда я упаковывала нитки.

— Машинки тоже забираешь?

— Да.

Он посмотрел на большую коробку возле стола.

— Это же тяжелое оборудование.

— Грузчики приедут завтра.

— Ты все уже организовала?

— Да.

— Могла бы сказать. Я бы помог.

Я закрепила скотчем край коробки.

— Спасибо, но я договорилась.

Он несколько секунд наблюдал за мной.

— Ты правда не собираешься передумать?

Я подняла голову.

— Нет.

Виктор прошелся по комнате.

Остановился возле манекена, на котором висела пробная часть Полининого платья.

— А это?

— Заберу. Дошью уже на новом месте.

— Полина знает?

— Да.

— Она сегодня со мной разговаривала.

Я замерла.

— И?

Он посмотрел в окно.

— Очень злая.

— Ей больно.

— Она наговорила много лишнего.

Я снова занялась коробкой.

— Это ваши отношения. Я не буду их обсуждать.

— Ты ведь понимаешь, что она сейчас под твоим влиянием?

Я медленно выпрямилась.

— Витя, если ты хочешь наладить отношения с дочерью, тебе придется разговаривать с ней самой. Не со мной.

Он недовольно сжал губы.

— Я с ней и разговаривал.

— Тогда продолжай.

Виктор отвернулся.

— Она сказала, что Ларису на свадьбе видеть не хочет.

— Я знаю.

— И что ты думаешь?

— Думаю, это ее свадьба.

— Ты же понимаешь, как все будет выглядеть?

Я посмотрела на мужа.

— Для кого?

— Для людей.

— Я сейчас меньше всего думаю о том, как все выглядит для людей.

Виктор вздохнул.

— Тебе легко говорить.

Я чуть не рассмеялась.

Легко.

Последние три дня я почти не ела, спала по несколько часов, считала деньги, искала квартиру, договаривалась о переезде и пыталась не расплакаться перед клиентками.

И ему казалось, что мне легко.

Но спорить я не стала.

— Мне нужно закончить упаковку, — сказала я.

Он вышел.

Я закрыла коробку и села на стул.

Только теперь я почувствовала, как сильно устала за эти три дня.

Хотелось лечь прямо на пол и никуда больше не идти.

Не собирать вещи.

Не объяснять.

Не считать.

Пусть кто-нибудь другой решит, как жить дальше.

Я посмотрела на манекен с платьем Полины.

Потом на коробки.

И заставила себя встать.

Оставалось совсем немного.

Ночью я почти не спала.

Лежала в нашей спальне, слушала редкие звуки из коридора и думала о том, как завтра выйду из дома.

Нужно ли будет что-нибудь сказать Виктору?

Обнять его?

Пожелать спокойной жизни?

Я перебирала возможные слова, но все казались неподходящими.

Утром выяснилось, что никаких особенных слов не требуется.

Грузчики приехали без пяти десять.

Двое мужчин в рабочей одежде представились, осмотрели оборудование и начали переносить коробки.

Я показывала, что нужно брать, а что оставить.

Виктор вышел из кабинета, посмотрел на происходящее и предложил помочь снять дверцу со шкафа, чтобы удобнее было вынести стол.

Грузчики справились без этого.

Он немного постоял в коридоре, потом ушел.

Я вынесла из спальни последнюю сумку.

На кровати лежало покрывало.

Моя половина шкафа опустела, но в ванной еще оставались полотенца, а в комоде — вещи, которые не понадобились бы мне в ближайшие недели.

Я не собиралась за один день вывезти из дома всю свою жизнь.

И не отказывалась от дома как от имущества.

Просто уезжала.

Виктор ждал внизу.

— Все?

— Пока да. Остальное заберу позже.

Он кивнул.

— Ты ключи оставишь?

Я посмотрела на него.

— Нет. Это и мой дом, Витя. Мы еще не решили имущественные вопросы.

— Я просто спросил.

— Я тоже не собираюсь приезжать без предупреждения.

Он потер ладонью подбородок.

— Ладно.

Я взяла сумку.

Мы стояли друг напротив друга.

Мне вдруг захотелось, чтобы он сказал хоть что-нибудь настоящее.

Не про деньги.

Не про свадьбу.

Не про необходимость вести себя разумно.

Просто признал, что наш брак закончился.

Но Виктор произнес:

— Если что понадобится, звони.

Я кивнула.

— Хорошо.

И вышла.

Возле машины я остановилась.

Дом стоял тихий, залитый утренним солнцем.

На крыльце лежал коврик, который мы купили в прошлом году. Вдоль дорожки росли мои гортензии.

Я вспомнила, как весной просила Виктора помочь пересадить один куст.

Он обещал.

Потом забыл.

Я сама перенесла куст к забору, и он, к моему удивлению, прекрасно прижился.

Сейчас возле него распускались первые цветы.

Я посмотрела на них несколько секунд.

Потом села в машину.

Водитель грузовика ждал у ворот.

Я махнула ему рукой и поехала впереди.

До ателье Марины мы добрались примерно за двадцать минут.

Она уже была на месте.

Помогла открыть двери, показала грузчикам, куда ставить стол и машинки.

— Только осторожнее с этим, — сказала она, указывая на парогенератор. — Штука дорогая.

— Мы в курсе, — ответил один из мужчин. — Нам все объяснили.

Я проверяла коробки, отмечала в списке, что уже привезли.

Марина то уходила к своим заказам, то возвращалась посмотреть, как продвигается работа.

Когда оборудование установили, я включила машинку.

Проверила ход.

Все работало.

Я опустилась на стул.

— Ну что? — спросила Марина.

— Кажется, получилось.

Она протянула мне стакан воды.

— Еще бы не получилось. Ты все заранее организовала.

Я выпила почти весь стакан.

— Мне кажется, я сейчас усну прямо здесь.

— Не надо. У меня клиентка через час, испугается.

Я засмеялась.

Впервые за несколько дней по-настоящему.

Потом мы подписали договор, я получила ключ от своего шкафа и забрала у грузчиков документы об оплате.

Оставалось отвезти бытовые вещи в квартиру.

Вера Григорьевна заранее подсказала, где остановить грузовик, чтобы не перекрыть проезд.

Мужчины занесли коробки, сумки и небольшой комод, который я купила когда-то на собственные деньги и решила забрать.

Я расплатилась, поблагодарила их и закрыла дверь.

В квартире стало тихо.

На полу стояли коробки.

Возле стены — сумки.

На кухонном столе лежали ключи.

Я сняла обувь и прошла в комнату.

Открыла окно.

Из двора доносились голоса детей и шум машины, которая медленно выезжала с парковки.

Пахло чистящим средством и деревянной мебелью. К этому запаху я еще не привыкла.

Я не знала, куда лучше поставить книги.

Не знала, в какой ящик убрать документы.

Зато знала, что никто не войдет сейчас и не спросит, почему я еще не приготовила обед.

И что вечером мне не придется ждать мужа.

От этой мысли стало неожиданно пусто.

Я достала из сумки телефон.

Полина написала:

«Мам, ты уже переехала?»

«Да. Все нормально. Сейчас разбираю вещи».

«Может, мы с Ильей приедем помочь?»

Я посмотрела на коробки.

Помощь действительно пригодилась бы.

Но Полина и так была измучена последние дни.

«Спасибо, солнышко. Сегодня сама справлюсь. Коробок немного. Лучше встретимся вечером, как договаривались».

Она прислала сердечко.

Вечером у нас была запланирована встреча по свадебным вопросам.

Еще до моего ухода из дома Илья предложил собраться с родителями и сверить список гостей для предварительного расчета ресторана.

Виктор сообщил, что сегодня не сможет.

Алексей Белов, отец Ильи, обещал приехать.

Мы решили не отменять встречу.

Я посмотрела на часы.

До нее оставалось три часа.

Успела разобрать одежду, застелить кровать и поставить на кухонную полку две чашки.

Одну белую, с синей полоской.

Другую обычную, купленную несколько лет назад для работы.

Потом сходила в магазин возле дома.

Купила хлеб, молоко, яйца, сыр, яблоки и маленькую пачку кофе.

У кассы вдруг вспомнила, что Виктор любил определенный сорт колбасы.

Я даже посмотрела в сторону холодильника.

Потом отвернулась.

Мне не нужно было покупать ему колбасу.

В моей новой квартире никто ее не ждал.

По дороге обратно я заплакала.

Не сильно, всего несколько слез, которые удалось быстро вытереть.

Мне было жалко себя.

Жалко нашу общую жизнь.

Жалко женщину, которая еще неделю назад составляла список продуктов для семьи и не знала, что ее муж уже планирует привести любовницу на свадьбу дочери.

Но возвращаться я не хотела.

Это было самым важным.

Встречаться договорились в небольшом кафе неподалеку от ресторана.

Я пришла за пять минут до назначенного времени.

Полина уже сидела за столиком с Ильей.

Он поднялся, когда увидел меня.

— Здравствуйте, Наталья Викторовна.

— Привет, Илюша.

Я обняла его.

Илья был высоким, худощавым, с темными волосами и серьезным лицом. Знакомились мы с ним давно, когда он еще учился. Первое время он обращался ко мне исключительно по имени-отчеству, хотя я несколько раз предлагала называть просто Натальей.

Теперь я перестала настаивать.

— Как переезд? — спросил он.

— Нормально. Все перевезла.

— Машинки целые?

Я удивилась.

— Да. А ты откуда знаешь?

— Полина рассказывала, что вы за них переживали.

Он улыбнулся.

— Если что-то понадобится прикрутить или перенести, скажите. У меня завтра после работы свободно.

— Спасибо, Илюша. Пока все на месте.

Полина подвинулась, освобождая мне стул.

Она выглядела уставшей, но уже не такой растерянной, как в воскресенье.

— Мам, ты поела?

Я посмотрела на нее.

— Полина, я взрослая женщина.

— Я знаю. Но ты ответь.

Мы обе невольно улыбнулись.

— Поела. Даже продукты купила.

— Вот и хорошо.

Через несколько минут пришел Алексей Белов.

Я видела его прежде несколько раз, в основном на семейных встречах.

Он был крепким мужчиной среднего роста, с короткими темными волосами, в которых уже заметно серебрилась седина. Одет просто: светлая рубашка с закатанными рукавами, темные брюки, часы на кожаном ремешке.

На руке возле большого пальца виднелся небольшой старый шрам.

— Добрый вечер, — сказал он, подходя к столу. — Извините, немного задержался.

— Пап, ты вовремя, — ответил Илья.

Алексей пожал мне руку.

— Наталья, здравствуйте.

— Добрый вечер.

Он сел напротив сына и положил на стол телефон.

— Ну что у нас по гостям?

Илья достал распечатки.

— Хотели проверить количество с вашей стороны. А то в прошлый раз мы забыли про тетю Галю.

— Не забыли. Я просто еще не знал, сможет ли она приехать.

— Теперь знаешь?

— Да. Она будет. С мужем.

Полина сделала пометку в списке.

Разговор пошел довольно спокойно.

Мы сверяли фамилии, уточняли детей, приглашенных родственников, обсуждали, кому удобнее сидеть рядом, а кого лучше рассадить подальше друг от друга.

Я знала почти всех гостей со стороны Виктора.

И вдруг поняла, что теперь совершенно не представляю, как быть с некоторыми из них.

Его бывшие сослуживцы.

Общие друзья.

Жены знакомых, с которыми мы годами встречались на праздниках.

Кто-то уже знал об измене?

Кто-то давно видел Виктора с Ларисой?

Эти мысли мешали сосредоточиться.

— Наталья Викторовна? — позвал Илья.

Я подняла голову.

— Да?

— Тетю Валю с мужем оставляем?

— Конечно. Они же уже подтвердили.

— Просто они из списка Виктора Николаевича.

Я посмотрела на распечатку.

— Оставляем. Это друзья нашей семьи.

Полина осторожно коснулась моей руки.

— Мам, если тяжело, давай я сама все проверю.

— Нет, все нормально.

Я попыталась улыбнуться.

Алексей посмотрел на нас, но ничего не спросил.

Мы продолжили.

Через несколько минут выяснилось, что со стороны Виктора пока не подтверждены еще несколько гостей. Чтобы точнее рассчитать бюджет, нужно было получить их ответы.

— Я попробую с ним поговорить завтра, — сказала Полина.

Илья кивнул.

— Давай.

Мне стало неловко.

Я посмотрела на Алексея.

— Извините, что у нас сейчас такая путаница. Семейные обстоятельства все усложнили.

Он поднял глаза от списка.

— Вы за что сейчас извиняетесь?

Я растерялась.

— Ну... За то, что мы не можем нормально определиться.

— Так мы ведь именно для этого и собрались. Список уточняем.

— Да, но...

Он посмотрел на распечатку.

— С моей стороны тоже двое пока не ответили. Я им завтра позвоню. Не вижу особенной проблемы.

Я замолчала.

Алексей не улыбался снисходительно, не пытался утешать меня.

Кажется, он и правда не видел причины извиняться за вопрос, который можно решить телефонным звонком.

И мне вдруг нечего было ответить.

Полина взяла список.

— Тогда так. Я завтра звоню папе и спрашиваю по его гостям. Илья проверяет своих коллег. А вы, Алексей Сергеевич, уточните тетю Галю и дядю Борю.

— Галю уже уточнил, — ответил он. — Борису завтра наберу.

— Хорошо.

Я посмотрела на дочь.

Она записывала все в блокнот, сосредоточенно и очень серьезно.

Еще недавно мне хотелось самой сделать за нее все эти звонки.

Теперь я почему-то испытала облегчение от того, что Полина справлялась.

Мы обсудили еще несколько вопросов.

Меню.

Количество детских порций.

Рассадку близких родственников.

Алексей попросил Илью проверить, включены ли напитки в стоимость банкета, потому что раньше по этому поводу уже возникала путаница.

— Пап, я узнавал, — сказал Илья.

— Тогда хорошо.

— Но ты все равно спросишь еще раз?

Алексей усмехнулся.

— Нет. Если ты проверил, значит, проверил.

Полина посмотрела на меня.

Мы обе улыбнулись.

В конце встречи Илья пошел расплачиваться за чай.

Полина вышла ответить на звонок организатора.

Мы с Алексеем остались за столом вдвоем.

Он сложил бумаги в ровную стопку.

— Я слышал, вы переехали.

Я напряглась.

— Да.

— Илья сказал. Без подробностей.

— Понятно.

Он не продолжал.

Я почему-то почувствовала необходимость объяснить.

— Мы с Виктором решили пожить отдельно.

Слова прозвучали почти так, как хотел мой муж.

Будто мы действительно вместе приняли решение.

Я поморщилась.

Алексей заметил.

— Это ваше личное дело, Наталья. Я не собирался расспрашивать.

— Извините.

Он посмотрел на меня.

— Опять?

Я не сразу поняла.

Потом вспомнила разговор о гостях.

— Похоже, у меня привычка.

— Бывает.

Он взял телефон.

— Илья сказал, что вы свадебные платья шьете.

— Да. Уже много лет.

— Полине тоже сами делаете?

— Да.

— Тогда у вас сейчас дел хватает.

— Хватает, — согласилась я.

Он немного улыбнулся.

— У нас в мастерской тоже перед сроками сдачи все начинают ходить быстрее. Хотя от скорости ходьбы работа почему-то не заканчивается.

Я неожиданно рассмеялась.

— У меня то же самое. Особенно когда до свадьбы остается три дня, а невеста вдруг решает, что хочет другую длину рукавов.

— И что делаете?

— Сначала объясняю, сколько это будет стоить. Потом смотрим, можно ли успеть.

— Звучит разумно.

— Не всегда помогает.

— Мне тоже.

Мы улыбнулись друг другу.

Вернулась Полина.

— Все, договорились. Десерты они подтвердят завтра.

Разговор закончился.

На улице уже начинало темнеть.

Алексей попрощался первым.

— Хорошего вечера. Если по списку будут вопросы, Илья знает мой номер.

— Спасибо, — ответила я.

Он кивнул и пошел к машине.

Полина повернулась ко мне.

— Мам, ты домой?

Я на мгновение замерла.

Домой.

Раньше это означало наш дом с Виктором.

Теперь у меня был другой адрес.

— Да. На Садовую.

— Может, мы тебя проводим?

— Нет, солнышко. Машина рядом.

Она обняла меня.

— Ты точно нормально себя чувствуешь?

Я не стала отвечать привычное «все прекрасно».

— Устала. Но сегодня было легче, чем вчера.

Полина прижалась ко мне крепче.

— Я рада.

Мы постояли еще немного.

Потом она тихо сказала:

— Мам, я вчера с папой разговаривала.

— Знаю.

— Он очень обиделся, когда я сказала про Ларису.

Я погладила дочь по спине.

— Ты имеешь право приглашать на свою свадьбу тех, кого хочешь видеть.

— Я так ему и сказала.

— Хорошо.

— Он считает, что я принимаю твою сторону.

Я отстранилась и посмотрела ей в лицо.

— Полин, тебе не нужно оправдываться передо мной за отношения с папой. И перед папой — за отношения со мной.

Она вздохнула.

— Легко сказать.

— Знаю.

Мы обе немного улыбнулись.

— Мам, ты только не пропадай, ладно?

— Куда я пропаду? Нам еще платье дошивать.

— Вот именно.

Илья подошел, взял ее за руку.

— Наталья Викторовна, если что-то понадобится, звоните.

— Спасибо вам обоим.

Я проводила их взглядом.

Полина шла рядом с Ильей, что-то быстро рассказывала, показывая руками. Он слушал, иногда наклонялся к ней, чтобы расслышать.

У них начиналась собственная жизнь.

Я очень хотела, чтобы она оказалась счастливой.

Но впервые подумала, что не смогу обеспечить им счастье одной своей старательностью.

Они должны были учиться сами.

Как и я.

В квартиру я вернулась после девяти.

Поднялась на третий этаж, открыла дверь и включила свет.

Коробки все еще стояли в коридоре.

На кухне меня ждали продукты, купленные днем.

Я сняла туфли, поставила чайник и достала телефон.

Виктор звонил два раза, пока я была в кафе.

Я не услышала.

Через минуту он позвонил снова.

Я ответила.

— Да, Витя.

— Наташ, ты где?

— В квартире.

— Уже устроилась?

— Пока вещи разбираю.

— Понятно.

Он немного помолчал.

— Слушай, я хотел спросить. Завтра должен приехать мастер по обслуживанию котла. Ты сможешь его встретить? Я до обеда занят.

Я посмотрела на коробку с посудой.

Еще вчера я бы сразу начала прикидывать, как переставить свои дела.

Во сколько приехать.

Сколько ждать мастера.

Успею ли потом на работу.

Теперь я просто спросила:

— А ты не можешь перенести его визит?

— Могу, наверное. Но мы же на завтра договаривались.

— Тогда позвони и выбери другое время.

Виктор помолчал.

— Наташ, тебе же все равно завтра в городе быть.

— Я буду работать.

— Но можно же ненадолго заехать.

— Витя, я больше там не живу. И у меня завтра свои дела.

В трубке стало тихо.

Потом он сказал:

— Ясно. Значит, теперь даже в такой мелочи помочь не можешь.

Я закрыла глаза.

Знакомое чувство вины возникло почти мгновенно.

Мне захотелось объяснить, что я не против мастера, что дело не в желании наказать Виктора, что я действительно устала и завтра у меня работа.

Но я остановилась.

— Ты можешь сам договориться с ним на удобное время, — сказала я.

— Хорошо. Разберусь.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Я положила телефон.

Постояла возле кухонного стола.

И вдруг поняла, что мне не нужно никуда ехать.

Не нужно менять планы.

Не нужно искать оправдания тому, что я не могу выполнить еще одно чужое поручение.

Виктор взрослый человек.

Он способен договориться с мастером.

Я открыла коробку, достала тарелку, чашку и ложку.

Потом приготовила себе самый простой ужин: два яйца, помидоры и кусочек хлеба.

Села за стол у окна.

За стеклом светились окна соседнего дома.

Где-то играла музыка.

На кухне тихо гудел старый холодильник.

Пока ела, я начала понимать, как сильно устала.

Завтра нужно было прийти в ателье пораньше, проверить оборудование, разобрать материалы, составить новый график примерок.

Еще нужно было позвонить клиентке, которая собиралась приехать в пятницу.

И заказать пару дополнительных коробок для хранения фурнитуры.

Я достала блокнот.

Написала все по порядку.

Потом посмотрела на последнюю строку.

«Купить продукты на неделю».

Обычно под ней я составляла большой список того, что любил Виктор.

Теперь нужно было подумать, что люблю я.

Я долго сидела с ручкой в руке.

Потом написала:

«Клубника. Йогурт. Хороший сыр. Кофе».

Перечитала.

Добавила:

«Цветы».

И сама себе улыбнулась.

После ужина я разобрала постель.

Положила рядом телефон.

На экране появилась фотография Полины с Ильей, которую дочь прислала после нашей встречи.

Они стояли возле кафе, улыбались и выглядели немного уставшими.

Я отправила ей сердечко.

Потом выключила свет.

В новой квартире было непривычно тихо.

Я лежала на спине, слушала редкие машины за окном и понимала, что мне еще будет страшно.

Наверняка не раз захочется вернуться к привычному.

Возможно, завтра я снова расплачусь.

Но сегодня я сама открыла дверь квартиры, за которую заплатила своими деньгами.

Сама поставила чашку на кухонную полку.

Сама решила, во сколько лягу спать.

Это были совсем маленькие вещи.

И все-таки теперь они принадлежали только мне.
Я повернулась на бок, поправила подушку и закрыла глаза.
Впервые за несколько дней мне не нужно было прислушиваться, вернулся ли муж домой.

Глава 3. Платье должно нравиться ей

В четверг утром я едва не опоздала на работу, потому что десять минут искала ножницы.

Обычные портновские ножницы с черными ручками, которыми пользовалась почти пятнадцать лет. Я совершенно точно помнила, как заворачивала их в полотенце перед переездом, чтобы не повредить остальные инструменты.

Но в какой коробке они лежали, вспомнить не могла.

Я открыла одну, вторую, третью. Нашла старый утюг, четыре упаковки булавок, запасную педаль от машинки и фотографию Полины с выпускного. Ножниц не было.

Телефон показывал без двадцати девять.

Первая клиентка должна была приехать к одиннадцати, но мне еще предстояло разобрать рабочее место, проверить машинку и подготовить платье к примерке.

Я стояла посреди комнаты с пустой коробкой в руках, когда вспомнила, что ножницы вчера вечером положила в сумку.

Чтобы не потерять.

Ножницы нашлись в боковом кармане.

— Прекрасно, Наталья, — сказала я вслух. — Очень организованная женщина.

Собственный голос в пустой квартире прозвучал непривычно.

Я рассмеялась, убрала ножницы в рабочую сумку и пошла допивать кофе.

Завтрак получился простой: два тоста, сыр и яблоко. Раньше по утрам я почти всегда готовила что-нибудь горячее, потому что Виктор не любил завтракать наспех. Теперь обнаружилось, что мне самой совершенно не обязательно стоять у плиты двадцать минут.

Я могла съесть тост.

Могла вообще ничего не готовить.

А вот к новой квартире я еще не привыкла.

Ночью я дважды просыпалась, прислушиваясь к незнакомым звукам. В первый раз испугалась шагов на лестнице, во второй долго пыталась понять, почему за стеной кто-то двигает мебель.

Потом вспомнила слова хозяйки о ребенке этажом выше и успокоилась.

В семь утра проснулась окончательно.

Хотелось позвонить Виктору.

Не поговорить об измене и не выяснять отношения. Просто спросить, где он оставил зарядное устройство от планшета. Я привыкла, что муж знает, в каком ящике лежат все провода.

Уже открыла его контакт, когда вспомнила, что зарядку упаковала сама.

Нашла ее через минуту.

После этого убрала телефон подальше.

Мне предстояло привыкнуть к новой жизни. И, судя по первому утру, начинать придется с самых обыкновенных вещей.

До ателье я доехала за семь минут.

Можно было пройти пешком, но на сегодня я запланировала привезти несколько коробок с материалами, оставшихся в багажнике.

Марина уже была на работе.

Она стояла возле раскройного стола, разговаривала по телефону и одновременно пыталась достать из большой коробки рулон подкладочной ткани.

Увидев меня, показала свободной рукой на чайник.

Я покачала головой и прошла к своему месту.

Машинка стояла там, где ее установили вчера. Манекен пришлось немного передвинуть, чтобы он не загораживал свет. На стол я положила коврик для инструментов, поставила коробку с нитками и достала список заказов.

Через несколько минут Марина закончила разговор.

— Доброе утро. Как первая ночь?

— Холодильник гудит, соседский ребенок бегает, ножницы пропадают. В остальном прекрасно.

— Ножницы нашлись?

— В сумке.

— Значит, день уже удался.

Она подошла, посмотрела на мое оборудование.

— Слушай, а манекен лучше сюда переставить. Когда солнце начнет светить прямо в окно, будешь с ним по комнате бегать.

Мы вместе сдвинули подставку.

Марина оказалась права.

— Клиентка во сколько? — спросила она.

— В одиннадцать. Дарья Лебедева.

— Та, которой платье к регистрации шьешь?

— Да. Она вчера звонила, переживала из-за переезда.

— Люди всегда переживают, когда меняется адрес. Главное, чтобы сроки не менялись.

— Сроки не меняются.

— Тогда и хорошо.

Марина ушла встречать курьера.

Я включила машинку, проверила строчку на обрезке ткани и занялась подготовкой платья.

Дарья заказала его почти месяц назад.

Небольшая регистрация брака, ужин с родителями, никаких больших торжеств. Ей хотелось простое платье молочного цвета, которое потом можно было надевать на другие мероприятия.

Мы выбрали плотную ткань с небольшим содержанием эластана, сделали приталенный силуэт и рукав чуть ниже локтя.

Сложнее всего оказалось добиться правильной посадки по плечам.

Дарья была невысокой, с узкой спиной и довольно широкой грудной клеткой. Готовые платья почти всегда приходилось подгонять.

Я разложила изделие на столе.

Проверила швы.

Отметила места, которые нужно было уточнить на примерке.

В половине одиннадцатого телефон завибрировал.

«Наталья Викторовна, здравствуйте. Я подъеду чуть раньше. Можно?»

«Конечно. Я уже на месте».

Через десять минут Дарья вошла в ателье.

Она удивленно оглядела чистую рабочую комнату.

— Ой, как тут хорошо.

— Проходите. Куртку можете повесить здесь, а я подготовлю примерочную.

Дарья сняла легкую куртку, повесила ее на крючок.

— А я боялась, честно говоря. Вы так неожиданно переехали. Думала, вдруг у вас там ремонт или что-нибудь случилось.

— Нет, с рабочим местом все в порядке. И платье готово к примерке.

— А сроки точно не изменятся?

— Мы договаривались закончить к двадцать пятому июня. Так и будет. Если после сегодняшней примерки не понадобятся серьезные изменения, я даже раньше закончу.

Дарья облегченно улыбнулась.

— Хорошо. А то я уже жениху сказала, что платье потерялось при переезде.

— Зачем же вы его так напугали?

— Чтобы не расслаблялся. Он до сих пор кольца не забрал.

Я засмеялась.

Через несколько минут Дарья стояла перед зеркалом.

Я поправила плечевой шов, закрепила булавками небольшую складку возле талии.

— Попробуйте поднять руки.

Она подняла.

— Тянет?

— Немного здесь.

— Вижу. Здесь нужно немного выпустить шов.

Я расстегнула молнию, немного выпустила шов и снова сколола ткань.

— А теперь?

Дарья подвигала плечами.

— Вот теперь удобно.

— Хорошо. Еще пройдитесь.

Она сделала несколько шагов, повернулась перед зеркалом.

— Как красиво получилось.

Я присела, проверяя, ровно ли лежит подол.

— Только туфли на свадьбу обязательно принесите на следующую примерку. Сегодня мы можем посмотреть общую длину, но окончательно подшивать лучше с вашей обувью.

— Принесу. Я их уже купила.

Она улыбалась своему отражению.

Потом вдруг спросила:

— Наталья Викторовна, а можно здесь сделать чуть уже?

Я посмотрела, куда она показывала.

— Можно. Но тогда в сидячем положении будет неудобно. Давайте сначала проверим.

Дарья села на стул.

Ткань натянулась именно там, где я ожидала.

— Ага, — сказала она. — Все, поняла. Не трогаем.

— Правильно. Вы же собираетесь не только красиво стоять на фотографиях.

— Еще есть и танцевать.

— Именно.

Она рассмеялась.

Когда Дарья ушла, я некоторое время стояла перед зеркалом в примерочной.

На полу осталась маленькая булавка. Я подняла ее и положила в коробочку.

Обычный рабочий день.

Обычная клиентка.

Никаких объяснений, почему я съехала от мужа.

Никаких сочувственных взглядов.

Только платье, которое нужно правильно посадить.

Мне неожиданно стало легче.

Я вернулась к столу и записала изменения.

Марина подошла с двумя чашками чая.

— Ну что?

— Все нормально. Довольна.

— Я про тебя.

Я взяла чашку.

— Тоже нормально. Пока работаю, почти не думаю ни о чем другом.

— Вот и работай. Только обедать не забывай.

Она поставила передо мной контейнер.

— Это мое. Тут котлеты и гречка. Я с запасом принесла, можешь взять.

— Марин, спасибо, но у меня есть еда.

— Тогда отлично. А то я уже решила, что ты на одном кофе существуешь.

Она забрала контейнер и пошла к себе.

Я проводила ее взглядом.

Прежде я бы наверняка начала рассказывать, что случилось.

Жаловалась бы, плакала, пыталась услышать от другого человека, правильно ли поступаю.

Теперь почему-то не хотелось.

Мне было достаточно, что Марина не требовала объяснений.

После обеда я закончила работу с платьем Дарьи, проверила еще один заказ и начала разбирать материалы, оставшиеся после переезда.

К четырем часам на столе установился привычный порядок.

Нитки стояли по цветам.

Ножницы лежали справа.

Измерительная лента висела на крючке.

В шкафу разместились чехлы с платьями.

Я сфотографировала рабочее место и отправила Полине.

«Вот где теперь буду шить твое платье».

Она ответила через несколько минут.

«Классно! Мам, а ты там не мерзнешь? Окно большое».

Я улыбнулась.

«Не мерзну. И отопление есть».

«Хорошо. Я в субботу могу приехать на примерку?»

«Конечно. Давай к двенадцати».

«Договорились».

Я положила телефон.

Впервые за несколько дней с удовольствием подумала о работе над свадебным платьем дочери.

Хотелось закончить пробный лиф, еще раз проверить линию талии и наконец приступить к раскрою дорогой ткани.

Кружево лежало в отдельной коробке.

Я открыла ее, провела пальцами по тонкому узору.

Полина по-прежнему хотела убрать рукава.

Но я была уверена, что, когда она увидит их на готовой основе, передумает.

Вечером, возвращаясь домой, я поймала себя на том, что составляю в голове список дел для Виктора.

Напомнить ему забрать костюм из гардеробной.

Спросить, встретил ли он мастера по котлу.

Уточнить, когда приедет его мать.

Я даже достала телефон на светофоре.

Потом убрала обратно.

Все это больше не было моей обязанностью.

Правда, облегчение от этой мысли продержалось недолго.

Дома я открыла холодильник и увидела почти пустые полки.

Вчера купила продукты только на один-два дня.

Пришлось снова ехать в магазин.

И по дороге я вдруг с тоской вспомнила большую кухню в нашем доме, морозильную камеру, всегда заполненную продуктами, привычную дорогу от гаража до крыльца.

Оставить двадцать три года жизни было куда труднее, чем перестать покупать мужу колбасу.

На следующий день я записалась на консультацию к юристу.

Номер мне дала одна из постоянных клиенток, которая несколько лет назад делила имущество после развода.

— Только сразу скажите, что у вас не уголовное дело, — предупредила она. — А то у Ольги Сергеевны несколько направлений работы, и запись бывает плотная.

Я позвонила.

Свободное время нашлось в пятницу после обеда.

До встречи я собрала документы, которые смогла найти.

Свидетельство о браке.

Копии документов на дом.

Выписки по счетам.

Несколько договоров, связанных с приобретением оборудования.

Часть бумаг осталась у Виктора.

Раньше я никогда особенно не задумывалась, какие документы оформлены на мужа, какие на меня и чем это может обернуться.

Дом покупали вместе.

Деньги на него складывались из наших накоплений и средств, полученных после продажи прежней квартиры.

Виктор занимался большей частью оформления.

Я выбирала обои, плитку, кухонный гарнитур.

Когда он приносил очередную папку, я спрашивала только, где нужно поставить подпись.

Теперь это казалось невероятной беспечностью.

Юрист принимала в небольшом офисе на втором этаже делового центра.

Ольге Сергеевне было около пятидесяти. Строгая женщина с короткой стрижкой, спокойным голосом и привычкой внимательно слушать, не перебивая.

Я рассказала о браке, дочери, доме, работе и предстоящем разводе.

Она делала пометки.

— Муж согласен расторгнуть брак? — уточнила она.

— Он сам сказал, что хочет развестись. Но теперь просит не торопиться.

— То есть конкретного совместного заявления пока нет.

— Нет.

— Дочь совершеннолетняя?

— Двадцать два года.

— Хорошо. Если оба супруга согласны и нет общих несовершеннолетних детей, развод можно оформить через загс. Если согласия не будет, понадобится обращаться в суд.

Я кивнула.

— А дом?

— С домом нужно разбираться отдельно. Давайте посмотрим документы.

Она взяла копии, проверила даты и задала несколько уточняющих вопросов.

Когда мы дошли до вопроса о совместно нажитом имуществе, я неожиданно растерялась.

— Ольга Сергеевна, а если я уже съехала, это ничего не меняет?

Она подняла глаза.

— Вы имеете в виду право на имущество?

— Да. Виктор не выгонял меня. Я сама сняла квартиру.

— Сам по себе переезд не означает, что вы отказались от своей доли. Но нам нужно уточнить состав имущества, основания приобретения и все документы. Не подписывайте никаких соглашений, пока не разберетесь с их последствиями.

Я выдохнула.

— Ясно.

— Муж предлагает вам какую-то конкретную договоренность?

— Пока только говорит, что я ни в чем не буду нуждаться.

Ольга Сергеевна чуть приподняла брови.

— Это не юридическая формулировка.

Я невольно улыбнулась.

— Понимаю.

— Обещания лучше переводить в конкретные условия. Что кому остается, как рассчитывается компенсация, какие имеются обязательства. И все это нужно проверять.

Она открыла блокнот.

— Запишите, какие документы необходимо получить.

Я достала ручку.

Мы составили список.

Выписка из реестра недвижимости.

Документы о приобретении дома.

Сведения о счетах и крупных покупках.

Данные о возможных обязательствах.

Отдельно — документы на профессиональное оборудование.

Когда я сказала, что машинки покупала на собственные заработки, юрист пояснила, что приобретенное в браке имущество требует правовой оценки независимо от того, с какого счета проходила оплата.

— Не нужно сейчас ничего продавать, прятать или срочно переоформлять, — сказала она. — Продолжайте работать, сохраняйте документы, а потом определим, что и как учитывать.

Я кивнула.

— Мне просто страшно остаться без всего.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Наталья, страх понятен. Но вы уже сделали правильную вещь: пришли выяснить свои права до того, как начали подписывать бумаги. Дальше будем действовать последовательно.

Я поблагодарила ее.

Мы договорились, что я соберу недостающие документы и пришлю копии.

На улице было тепло.

Я вышла из здания, села в машину и некоторое время просидела, положив список на колени.

Оказалось, что развод состоит не только из слез и разговоров.

У него имелись документы, сроки, расходы, решения.

Все то, с чем можно было работать.

Я открыла телефон.

Виктор утром спрашивал, где лежит гарантийный талон от посудомоечной машины.

Я написала, что он находится в папке с документами на кухонную технику.

Ответ пришел сразу.

«Нашел. Спасибо. Ты как?»

Я посмотрела на экран.

Набрала:

«Нормально. Работаю».

Потом стерла.

Написала:

«У меня все в порядке».

И отправила.

Через минуту он спросил:

«Может, поужинаем вместе в воскресенье? Нужно обсудить дальнейшие планы».

Я отложила телефон.

В воскресенье у меня уже была встреча с Полиной и Ильей по свадебным вопросам.

Виктор знал об этом.

Я ответила, что сейчас не готова к отдельному ужину, а практические вопросы можем обсудить позже.

Он больше не писал.

Я завела машину.

Впереди оставалось несколько часов работы.

В субботу Полина приехала на примерку с небольшой коробкой пирожных.

— Я купила твои любимые, — объявила она с порога.

— Сколько потратила?

— Мам, не начинай.

— Я просто спросила.

— А я просто купила пирожные.

Она поставила коробку на стол, сняла легкую куртку и осмотрелась.

— Ой, как тут уютно.

— Ты же фотографии видела.

— На фотографиях не так.

Я показала ей примерочную, место для хранения материалов, большой стол возле окна.

Марина поздоровалась с Полиной и ушла заниматься своими заказами.

Мы остались вдвоем.

Я достала пробный лиф свадебного платья.

За последние два дня успела внести несколько изменений.

Линия талии стала аккуратнее, вырез немного изменился, а кружевные детали я временно закрепила на рукавах, чтобы показать дочери, как будет выглядеть окончательный вариант.

— Давай примерим.

Полина переоделась.

Я застегнула молнию на спине, поправила плечи.

— Подними руки.

Она подняла.

— Нормально?

— Да.

— Теперь повернись.

Полина посмотрела в зеркало.

Я встала рядом.

Платье действительно выглядело красиво.

Кружево смягчало линию плеч, верх плотно сидел по фигуре, а будущая юбка должна была сделать силуэт торжественным.

Я уже представляла, как дочь выйдет в нем к гостям.

— Ну как? — спросила я.

Полина не ответила сразу.

Провела рукой по кружевному рукаву.

— Мам, а мы же говорили, что посмотрим без рукавов.

— Конечно. Я их специально временно закрепила. Чтобы ты увидела оба варианта.

— Можно сейчас снять?

Я немного растерялась.

— Подожди. Сначала посмотри, как красиво получается. Вот здесь будет мягкая линия, а на запястье маленькая застежка.

— Красиво, мам.

— Тогда что не так?

Полина вздохнула.

— Мне все равно хочется без рукавов.

Я подошла ближе.

— Полин, у тебя очень красивые плечи, я не спорю. Но открытый верх будет совсем другим. И с этой юбкой может получиться слишком просто.

— А я как раз хочу просто.

— Свадебное платье не должно выглядеть как обычное вечернее.

Она посмотрела на меня в зеркало.

— Почему?

Вопрос застал меня врасплох.

— Потому что это особенный день.

— Мам, я понимаю. Но мне хочется платье, в котором я буду чувствовать себя собой.

Я поправила складку на талии.

— Ты и будешь. Просто сначала нужно увидеть готовый вариант.

Полина осторожно отвела мою руку.

— Мам, послушай.

Я выпрямилась.

— Что?

— Можно я покажу фотографии, которые сохранила?

— Ты уже показывала.

— Я нашла другие.

Она взяла телефон.

На экране было платье с открытыми плечами, мягкой юбкой и почти незаметной отделкой. Никакого кружева, сложных рукавов или длинного шлейфа.

Потом второе.

Третье.

Я смотрела фотографии и чувствовала, как постепенно раздражаюсь.

— Полина, это совсем другой фасон.

— Я знаю.

— Мы с тобой столько времени обсуждали нашу модель.

— Мы обсуждали. Но я с самого начала говорила, что хочу полегче.

— Я же делаю тебе все с учетом фигуры. Ты понимаешь, сколько работы уже вложено?

Она опустила телефон.

— Мам, я понимаю.

— И ткань уже куплена.

— Я знаю.

— Это дорогая ткань. Мы не можем теперь просто выбросить ее и начать сначала.

Полина посмотрела на меня с обидой.

— Я не просила ничего выбрасывать.

— Тогда чего ты хочешь?

Она некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Чтобы ты меня услышала.

Я отступила.

— Я тебя прекрасно слышу.

— Нет, мам. Ты каждый раз объясняешь, почему твой вариант лучше.

— Потому что я в этом разбираюсь.

— Я не спорю.

— Тогда почему мы сейчас опять об этом говорим?

Полина отвернулась к зеркалу.

Я увидела, как у нее дрогнули губы.

— Потому что мне в этом платье замуж выходить, — тихо сказала она.

В примерочной стало очень тихо.

Я почувствовала, что сказала что-то лишнее.

Но вместо того чтобы сразу остановиться, попыталась объяснить:

— Полин, я просто хочу, чтобы ты была красивой.

Она повернулась ко мне.

— Мам, я знаю. Только я тоже знаю, какой хочу быть красивой.

Я не нашла ответа.

Полина осторожно расстегнула молнию.

— Давай на сегодня закончим.

Я хотела возразить, но увидела ее лицо.

— Хорошо.

Она переоделась молча.

Я сложила детали платья.

Когда дочь вышла из примерочной, на столе стояла открытая коробка пирожных.

— Будешь чай? — спросила я.

— Не хочу. Мы с Ильей договорились встретиться.

— Полин...

Она остановилась.

— Что?

Я посмотрела на пробный лиф.

— Ты правда совсем не хочешь кружево?

Она устало улыбнулась.

— Мам, я уже не знаю, как еще сказать.

Мне стало стыдно.

Но нужные слова не пришли.

Я только кивнула.

— Хорошо. Тогда поговорим позже.

Полина подошла, поцеловала меня в щеку.

— Я тебя люблю. Правда.

— И я тебя, солнышко.

Когда дверь за ней закрылась, я долго стояла возле стола.

Передо мной лежал пробный лиф с кружевом. Я аккуратно сшила его, подобрала любимую отделку — и почти не учла, чего хотела дочь.

Марина заглянула в комнату через несколько минут.

— Все нормально?

Я кивнула.

— Поссорились немного.

— Из-за платья?

— Да.

Она посмотрела на кружевные рукава.

— Невеста передумала?

— Она, оказывается, и не хотела их с самого начала.

Марина присела на край свободного стола.

— А ты?

— А я хотела.

— Понятно.

Я нахмурилась.

— Что понятно?

— Да ничего. Просто теперь ясно, почему вы спорили.

Я убрала платье в чехол.

— Я столько над ним работала.

— Вижу.

— И мне кажется, оно ей очень идет.

— Может, и идет.

Марина сделала глоток чая.

— Только она ведь его носить будет.

Я посмотрела на нее.

— Ты теперь тоже за Полину?

— Наташ, я вообще ни за кого. У меня своя клиентка в три, и она хочет зеленые пуговицы на сером жакете. Я считаю, что это безобразие. Но если она после примерки все равно захочет зеленые, я пришью зеленые.

— Это другое.

— Чем?

Я открыла рот.

Потом закрыла.

Марина не стала продолжать.

— Ладно. Я пошла. Если что, чайник горячий.

Она ушла.

Я осталась одна.

На столе лежали ножницы, измерительная лента и аккуратно свернутое кружево.

Я взяла его в руки.

Когда-то оно было частью моего собственного свадебного платья.

Я помнила, как мама помогала мне выбирать фату. Как мы долго спорили о длине, а потом вдруг обе согласились на самый простой вариант.

Мне нравилось это воспоминание.

Мне хотелось поделиться им с Полиной. Но ее свадебное платье не обязано было напоминать мое.

Эту простую мысль я почему-то поняла только после ссоры.

Вечером я вернулась в квартиру, разогрела ужин и снова открыла фотографии, которые прислала дочь.

Сначала мне хотелось найти недостатки.

У одного платья была слишком открытая спина.

У второго — неудачная линия талии.

Третье красиво выглядело на фотографии, но наверняка требовало другой ткани.

Потом я заставила себя перестать оценивать каждую модель так, словно клиентка уже заказала ее у меня.

Я попробовала понять, что именно нравится Полине.

Свободная юбка.

Открытые плечи.

Простые линии.

Ничего тяжелого, что нужно постоянно поправлять.

Платье, в котором можно танцевать, сидеть, обнимать гостей и не бояться наступить на шлейф.

Я достала блокнот.

Нарисовала новый эскиз.

Потом второй.

На третьем остановилась.

Основная ткань, которую мы купили, подходила. Ее еще не раскроили окончательно, поэтому менять весь замысел было возможно без серьезных потерь.

Нужно было отказаться от кружевных рукавов, изменить форму лифа и сделать юбку легче.

Работы оставалось много.

Но это уже не казалось катастрофой.

Я взяла телефон.

«Полин, прости за сегодняшнюю примерку. Я действительно больше спорила, чем слушала. Посмотрела твои фотографии. Есть идея, как сделать платье ближе к тому, что ты хочешь. Можешь завтра показать мне еще раз свои варианты? Я обещаю сначала посмотреть, а потом говорить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.